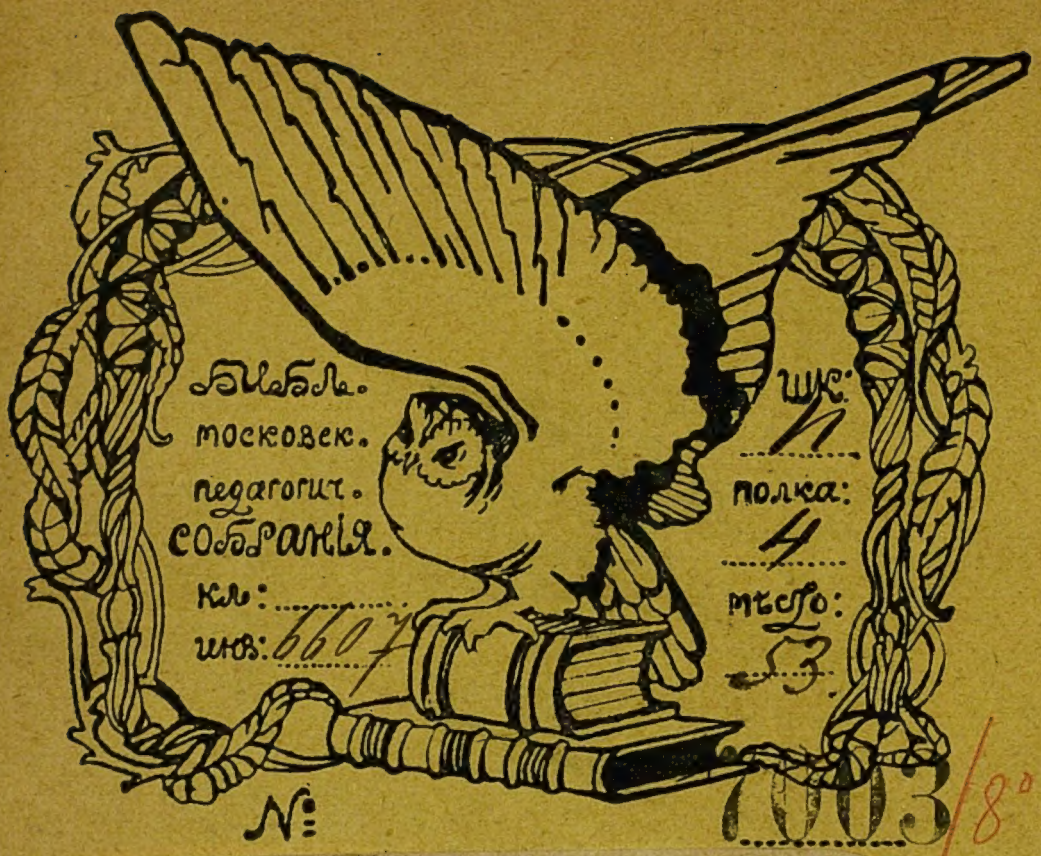
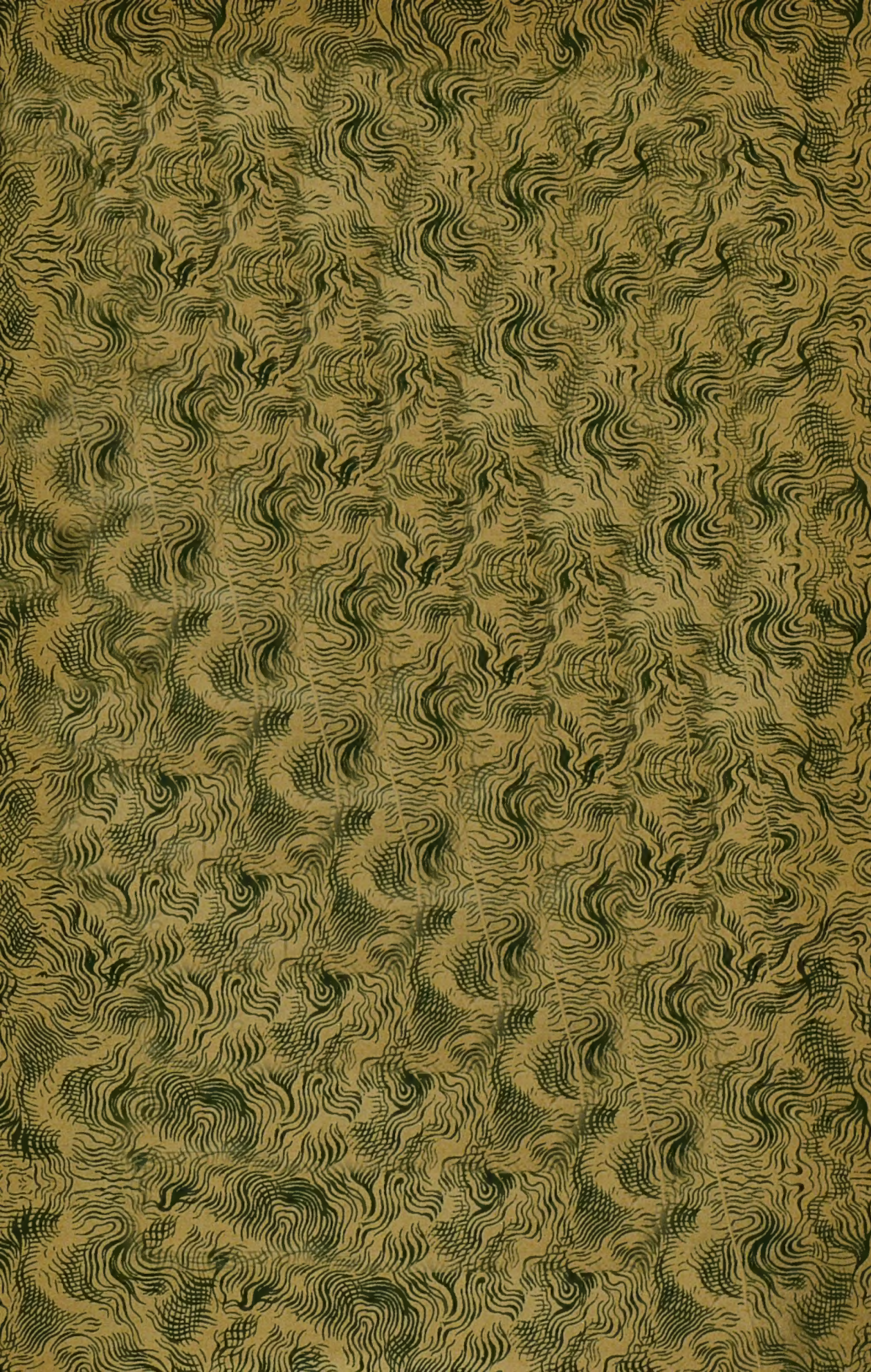
ПБ
10
Г63
Гольм-стем Ах.
Опыт методич. законо-веден.
Сиб, 1909 г.


Библ.
москвовед.
педагогич.
собранія.
кл:
инв: 6607
шк: 1
полка: 4
место: 53
№: 7003/8°



ОПЫТЪ

МЕТОДИКИ ЗАКОНОВѢДѢНІЯ

какъ предмета преподаванія въ средней школѣ.

А. Х. Гольмстена,

Заслуженнаго Профессора Императорскаго С.-Петербургскаго Университета и Александровской Военно-Юридической Академіи.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Ю. Н. Эрлихъ, Садовая № 9.
1909.

ОПЫТЪ

МЕТОДИКИ ЗАКОНОВѢДѢНІЯ.

БИБЛИОТЕКА
ИНСТИТУТА ИНЖЕН. ПРОФЕССОРЫ
№

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Не только во Франціи, Швейцаріи и у насъ, гдѣ Законовѣдѣніе введено въ кругъ обязательныхъ предметовъ преподаванія средней школы, но и въ Германіи, гдѣ этого еще нѣтъ, гдѣ во многихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ лишь въ курсъ Исторіи внесены общія свѣдѣнія о германскомъ государственномъ устройствѣ, появилось за послѣдніе годы много учебниковъ Законовѣдѣнія. Ознакомившись съ ними, приходишь къ заключенію, что съ методологической точки зрѣнія Законовѣдѣніе переживаетъ тотъ періодъ безсознательнаго состоянія, который благополучно пережитъ другими предметами преподаванія средней школы. Излагается оно такъ, какъ въ былое, въ мое время излагались Естествознаніе, Исторія, Географія и другіе предметы: безо всякаго опредѣленнаго, а тѣмъ болѣе выдержаннаго, метода сообщался извѣстный циклъ знаній, въ нѣкоторомъ порядкѣ, болѣе или менѣе понятнымъ языкомъ, въ сжатой формѣ. Сознательнаго изложенія, яснаго представленія, по-

чему тотъ или другой вопросъ излагается такъ, а не иначе, почему по данному вопросу изложено то, а не другое, почему одно изложено, другое исключено и т. д.—до сихъ поръ мы въ учебникахъ Законовѣдѣнія не находимъ.

При такихъ условіяхъ выпускать въ свѣтъ методику Законовѣдѣнія,—на что еще никто не рѣшался,—дѣло не легкое; беретъ невольное раздумье: не подождать-ли разработки отдѣльныхъ вопросовъ методики этого предмета, не подождать-ли появленія методикъ на Западѣ? Но раздумье исчезаетъ при мысли о томъ, что положенія, развиваемыя въ этой книгѣ, вовсе не предназначены къ немедленному приложенію; я желалъ лишь обратить серьезное вниманіе на методологическую сторону преподаванія Законовѣдѣнія и побудить лицъ компетентныхъ приняться за обсужденіе этой стороны; по отношенію къ себѣ я всего болѣе желалъ бы спокойной, проникнутой любовью къ дѣлу и вооруженной знаніемъ и опытомъ критики, которая дала-бы мнѣ поводъ подробнѣе развить мысли, лишь вкратцѣ изложенныя въ предлагаемомъ «Опытѣ».

А. Г.

25 Сентября 1908 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Предисловіе . . . . . VII—VIII

I. Задача преподаванія Законовѣдѣнія . . 1— 14

II. Методы преподаванія Законовѣдѣнія . . 14— 37

III. Описательный, положительно-легислятивный методъ преподаванія Законовѣдѣнія, его пригодность и примѣнимость . . . 37— 50

IV. Методологическія основы преподаванія Законовѣдѣнія . . . . . 51—108

1. Выборка матеріала . . . . . 51— 73

2. Единство метода преподаванія . . 73— 79

3. Система Законовѣдѣнія . . . . . 79— 90

4. Объективность изложенія . . . . 90— 97

5. Удобоусвояемость . . . . . 97—108

I.

Задача преподаванія Законовѣдѣнія.

Одно изъ основныхъ условій надлежащаго преподаванія того или другого предмета—ясное и опредѣленное сознаніе преподающимъ задачи преподаванія этого предмета. Все дальнѣйшее опредѣляется этой задачей—и методъ, и выборка матеріала, и способъ изложенія, и система и т. д. Задача преподаванія Законовѣдѣнія, повидимому, достаточно точно опредѣляется самимъ наименованіемъ этого предмета: *Законо*-вѣдѣніе, т. е. усвоеніе, изученіе учениками дѣйствующаго отечественнаго законодательства въ главнѣйшихъ частяхъ и въ общихъ очертаніяхъ. Но такое опредѣленіе задачи ничего конкретнаго, точно опредѣленнаго не даетъ; оно слишкомъ обще, чтобы дать что либо положительное. Самое большее, что оно имѣетъ, хотя и очень важное, отрицательное значеніе. Оно указываетъ на то, что не есть Законовѣдѣніе,

что является, если можно такъ выразиться, фальсификаціею его. Разъ предметомъ Законовѣдѣнія является законъ, то замѣна этого предмета другимъ или подмѣшиваніе къ нему чего либо другого есть извращеніе Законовѣдѣнія. Изложеніе соціологіи т. е. разсмотрѣніе явленій, подлежащихъ нормированію со стороны закона, исключительно съ соціальной точки зрѣнія, напримѣръ, вмѣсто законовъ о бракѣ изслѣдовать соціальную сторону брака, вмѣсто законовъ объ органахъ представительнаго правленія —соціальное значеніе народнаго представительства, вмѣсто законовъ о куплѣ-продажѣ—роль и значеніе ея въ гражданскомъ оборотѣ и т. д.—совершено недопустимо. Тутъ, очевидно, законъ вообще, а отечественный въ частности, стоитъ въ сторонѣ — нѣчто второстепенное. Недопустимо также изложеніе Законовѣдѣнія въ видѣ философіи, т. е. изложеніе основныхъ законовъ всего сущаго въ проявленіи ихъ въ тѣхъ явленіяхъ, которыя нормируются положительными законами, напримѣръ, философія брака, собственности, наказанія, государства и т. д. Какъ глубоко ни изучать философію этихъ институтовъ, знаніе законовъ не будетъ пріобрѣтено. То же са-

мое слѣдуетъ сказать и о психологіи и морали—психологическое и моральное основаніе, значеніе и смыслъ юридическихъ явленій нельзя выдавать за Законовѣдѣніе. Во всѣхъ этихъ случаяхъ законъ или совсѣмъ игнорируется, или случайно подтягивается, т. е. исходные пункты изложенія лежатъ внѣ дѣйствующаго законодательства, тогда какъ изложеніе Законовѣдѣнія, по существу, предполагаетъ, что исходнымъ пунктомъ долженъ являться законъ, отъ него надлежитъ исходить. Могутъ замѣтить, что, взявъ и за исходный пунктъ законъ, можно перейти къ соціологіи, къ философіи, къ психологіи, къ морали и проч. Конечно, перейти можно, но это будетъ переходъ искусственный, логически безсвязный и въ силу этого въ преподаваніи недопустимый. Скачки отъ статей закона къ Гегелевскому абсолюту или къ закону Мальтуса или Маркса, къ аттрибутивно-императивной функціи права Петражицкаго и т. п. для педагога совершенно непозволительны. Едва-ли среди нашихъ преподавателей найдутся любители такого спорта! Нѣкотораго вниманія заслуживаетъ другая замѣна Законовѣдѣнія—замѣна его правовѣдѣніемъ, одобряемая г. Грибов-

скимъ [1]). По мнѣнію этого автора, Законовѣдѣніе должно быть ничѣмъ инымъ, какъ элементарнымъ правовѣдѣніемъ, „какъ познаніе права въ образѣ общаго явленія, частнымъ видомъ котораго является законъ вообще, а подвидомъ законъ русскій". Не говоря уже о томъ, что въ самой характеристикѣ правовѣдѣнія много непонятнаго, а именно, что такое право, какъ общее явленіе? явленіе ли это общенародное или обобщеніе всего существующаго права, или это философія права? и какъ понимать право, въ объективномъ смыслѣ или субъективномъ, какъ отношеніе? если въ объективномъ, видомъ коего является законъ, то это нѣчто очень бѣдное содержаніемъ; и что такое законъ вообще, видомъ коего является законъ русскій?—не говоря уже обо всемъ этомъ, обращать Законовѣдѣніе въ элементарное правовѣдѣніе совершенно невозможно. Правовѣдѣніе есть совокупность, система всѣхъ юридическихъ дисциплинъ, а слѣдовательно, элементарное правовѣдѣніе есть краткое изложеніе этихъ дисциплинъ. Такъ что Законовѣдѣніе въ

---

[1]) *В. Грибовскій.* О желательной постановкѣ преподаванія Законовѣдѣнія въ средней общеобразовательной школѣ, въ Р. Школѣ. 1902 г № 1.

сущности, по мнѣнію г. Грибовскаго, должно быть конспектомъ университетскихъ курсовъ. Въ методологическомъ отношеніи такое конспектированіе, какъ мы это постараемся доказать, не состоятельно и обращаетъ Законовѣдѣніе въ совершенно негодный предметъ преподаванія въ средней школѣ. Словомъ, всѣ упомянутыя характеристики Законовѣдѣнія являются нежелательными уклоненіями: Законовѣдѣніе перестанетъ быть *Законо*-вѣдѣніемъ. То же самое слѣдуетъ сказать и о тѣхъ примѣсяхъ, которыя предлагается дѣлать въ Законовѣдѣніи. Незабвенный Константинъ Дмитріевичъ Кавелинъ былъ увлеченъ мыслью о введеніи въ среднія учебныя заведенія Законовѣдѣнія въ смыслѣ, какъ онъ выразился, „пропедевтики нравственно-общественно-юридически-политическихъ наукъ (т. е. соціологіи)“. Въ знаменитой „Запискѣ“ [1]) своей онъ опредѣляетъ предметъ Законовѣдѣнія какъ изложеніе „основаній, на которыхъ покоится человѣческое общество“, „основныхъ началъ и важнѣйшихъ условій государственной, общественной и семейной жизни“. Кавелинъ желалъ, чтобы

[1]) Она in extenso приведена у *М. Лалаева* въ его брошюрѣ «Основы Законовѣдѣнія», стр. 7—14.

рядомъ съ Законовѣдѣніемъ въ собственномъ смыслѣ излагались основныя начала этики и соціологіи. Это то, что французскіе педагоги называютъ „éducation morale sociale et civique“. Я не отрицаю въ принципѣ пользы изученія гимназистами этики и соціологіи, но то состояніе, въ которомъ эти науки находятся, заставляетъ совершенно отказаться отъ возможности ихъ изложенія въ средней школѣ. Каждый предметъ преподаванія средней школы долженъ находить себѣ основу въ соотвѣтственной научной дисциплинѣ; въ каждомъ изъ нихъ мы видимъ лишь приспособленіе данныхъ, выработанныхъ въ той или другой наукѣ, къ дидактическимъ или педагогическимъ цѣлямъ средней школы. Я себѣ представить не могу нѣчто болѣе неопредѣленное и безпочвенное, чѣмъ предметъ преподаванія средней школы, не находящій себѣ соотвѣтственной научной области въ курсѣ университетскомъ. Гдѣ же самостоятельность научныхъ дисциплинъ, гдѣ самостоятельный университетскій курсъ этики и соціологіи? Это науки зарождающіяся, неустановившіяся, неопредѣленныя. Служить основою предмета гимназическаго преподаванія онѣ еще не могутъ — для

приспособленія къ извѣстнымъ практическимъ, педагогическимъ цѣлямъ онѣ еще негодный матеріалъ; сами онѣ даютъ какіе то обрывки, клочки. Это какъ нельзя лучше подтверждается тѣми опытами, которые были сдѣланы въ этомъ направленіи во Франціи и у насъ. Во Франціи программы для лицеевъ и коллежей 31 Мая 1902 г., требуютъ изложенія Instruction morale et civique въ двухъ приготовительныхъ и въ первыхъ двухъ классахъ; но Министерство поняло, что изложеніе это невозможно въ цѣльномъ, отдѣльномъ видѣ, да еще мальчикамъ отъ 7—11 лѣтъ, а потому предписало сообщать элементарныя моральныя и юридическія понятія попутно съ преподаваніемъ языка, исторіи и географіи [1]). Въ 4 и 3 классахъ (наши 5 и 6) и дополнительномъ, философскомъ (9-омъ) предписывается преподаваніе морали. Уже изъ программъ 1902 года видно, какъ эта „мораль“ безсодержательна; въ программѣ дается перечень нравственныхъ качествъ человѣка, вродѣ courage, délicatesse, bonté, politesse, généresité и мн. др.; ее пришлось восполнить свѣдѣніями юридическаго харак-

[1]) Законовѣдѣніе (Droit usuel) преподается въ 6 классѣ по нашему счету.

тера изъ того же droit usuel; напримѣръ тамъ говорится о justice, la famille, l'état et les lois; morale domestique (la famille— опять), morale sociale (опять—droit и justice), morale civique (опять l'état) и т. д. Это преподаваніе морали должно было замѣнить Законъ Божій, объявленный необязательнымъ предметомъ. Насколько преподаваніе „морали", да еще въ соединеніи съ обществовѣдѣніемъ и законами непедагогично и нежелательно, подтверждается сдѣланною въ нашей литературѣ попыткою. „Основныя понятія о нравственности, правѣ и общежитіи" профессора Мушникова представляютъ собой нѣчто очень жалкое, съ одной стороны пріучающее молодой умъ къ поверхностному отношенію къ глубокимъ истинамъ, а съ другой — выдающее нѣчто неустойчивое, неопредѣленное за прочно установившееся.

Повторяю, Законовѣдѣніе должно быть только и только *Законо*-вѣдѣніемъ. Но и въ качествѣ такового задачи его преподаванія опредѣляются различно. Вышеупомянутое общее опредѣленіе, какъ мы сказали, не даетъ достаточно конкретныхъ указаній; большинство же другихъ опредѣленій вовсе не опредѣляютъ задачи пре-

подаванія, а указываютъ или на цѣль преподаванія, или же на полезные результаты преподаванія и т. п. Задача преподаванія должна быть точно опредѣлена, и не смѣшиваема съ другими понятіями. Задача преподаванія есть то, что предполагается выполнить самымъ ходомъ этого преподаванія, а не то, что должно наступить уже по окончаніи его или какъ нѣчто предустановленное (цѣль), или само собою наступающее. Задача, въ такомъ ея пониманіи, опредѣляетъ собою преподаваніе во всей его совокупности и во всѣхъ частяхъ—и методъ, и систему, и выборку матеріала и проч., словомъ, она все предуказываетъ. Ни цѣль, ни результатъ такого всеобъемлющаго значенія не имѣютъ; они лишь до извѣстной степени опредѣляютъ содержаніе, методъ, матеріалъ и проч. За задачу преподаванія Законовѣдѣнія нерѣдко выдаютъ сообщеніе свѣдѣній по дѣйствующему законодательству [1]). Не отрицаю, что свѣдѣнія сообщаются, но не могу не указать, что и въ календаряхъ сообщаются свѣдѣнія по дѣйствующему законодательству, которыя даютъ понятіе о го-

[1]) См. объяснительную записку къ нашей оффиціальной программѣ 17 іюня 1906 года.

сударственномъ и общественномъ строѣ Россіи. Неужели календарные очерки удовлетворяютъ дидактическимъ и методологическимъ требованіямъ, предъявляемымъ къ предметамъ преподаванія? Или эти требованія вовсе не нужны? Затѣмъ, говорятъ, задача преподаванія Законовѣдѣнія—ознакомленіе съ полезными въ жизни свѣдѣніями. Я не стану повторять вѣскихъ возраженій противъ такого взгляда, высказанныхъ Кавелиномъ въ его вышеуказанной „Запискѣ“. Хотя самъ Кавелинъ тоже не совсѣмъ вѣрно опредѣляетъ задачу преподаванія Законовѣдѣнія—„дать ясныя и точныя понятія“ и т. д. Конечно, если понимать „понятіе“ въ обыденномъ, ходячемъ смыслѣ, какъ „представленіе“, то это вѣрное опредѣленіе результата преподаванія; если же разумѣть слово „понятіе“ въ смыслѣ юридической характеристики явленій по родовому и видовымъ признакамъ, воплощенной въ „опредѣленіи“ съ его genus proximum и differentia specifica, то это неправильно. Юриспруденція оперируетъ съ понятіями и опредѣленіями, но строго юридическій методъ къ Законовѣдѣнію, какъ предмету преподаванія въ средней школѣ, совершенно не примѣнимъ. Онъ служитъ

средствомъ развитія въ обучающихся способности юридическаго мышленія. Средняя школа не можетъ и не должна себѣ ставить такія спеціальныя задачи. Нельзя, далѣе, признать задачею преподаванія Законовѣдѣнія и „расширеніе круга міросозерцанія ученика“. Это тоже не цѣль преподаванія, какъ думаетъ г. Грибовскій. Какъ то странно, чтобы преподаватель ставилъ себѣ цѣлью „расширеніе міросозерцанія“; оно достигается само собой—это результатъ преподаванія. Смѣшеніе задачи и цѣли преподаванія находимъ и у г. Вальденберга [1]). Развивая вопросъ о задачахъ преподаванія Законовѣдѣнія, онъ говоритъ, что цѣль преподаванія его „пробудить въ ученикѣ дремлющее чувство права“; въ связи со всѣмъ предыдущимъ и послѣдующимъ выходитъ, что это „пробужденіе“ есть задача преподаванія. На самомъ дѣлѣ, это и не задача и не цѣль, какъ мы ихъ понимаемъ, а опять результатъ. Это „пробужденіе“ ничего не предопредѣляетъ для преподавателя; къ этому и не направляется его дѣятельность, это достигается само собой. Болѣе близокъ къ истинѣ швейцарскій педа-

[1]) *В. Вальденбергъ.* О преподаваніи Законовѣдѣнія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ въ Ж. М. Н. П. 1905 г. № 10.

гогъ-законовѣдъ—Нума Дрозъ [1]), хотя онъ, наоборотъ, цѣлью называетъ то, что въ сущности является задачею, а именно „изученіе принциповъ, коими нормируются отношенія гражданъ между собою и къ государству“, изученіе духа институтовъ.

Я бы сказалъ, что задачей преподаванія является не столько изученіе принциповъ—это слишкомъ отвлеченно,—не столько духа институтовъ, это слишкомъ неопредѣленно, сколько изученіе жизненнаго смысла законовъ, духа законовъ. Конкретно выражаясь, задача преподаванія Законовѣдѣнія сводится къ изученію наиболѣе рельефно характеризующихъ главнѣйшія явленія юридическаго быта законовъ со стороны жизненнаго мотива и смысла, жизненной цѣли; это цѣль, которою руководился или законодатель, создавая данную юридическую норму, или сама жизнь, создавшая норму помимо законодателя, которому оставалось лишь ее санкціонировать. Выполненіемъ такой задачи достигаются и всѣ цѣли

---

[1]) *Numa Droz.* Der bürgerliche Unterricht, стр. 5—8. An die Herren Lehrer. Приблизительно то же говорятъ Lamy et Mayrargue (Traité pratique de droit usuel p. 1), но съ объективной точки зрѣнія: онъ видитъ цѣль преподаванія въ изъясненіи «преподавателемъ принциповъ дѣйствующаго законодательства».

и результаты преподаванія. Юридическія явленія, изъ коихъ слагаются государственный, общественный и частно-бытовой строй, каковы: государство, городъ, земство, село, сословіе, школа, желѣзныя дороги, подати, служба, войско, судъ, бракъ, собственность, наслѣдство и т. п. обрисовываются по даннымъ законодательства съ принципіальной стороны, со стороны тѣхъ жизненныхъ цѣлей, которыя должны быть достигнуты закономъ. Не статьи закона съ ихъ детальными перечисленіями и иногда путаннымъ изложеніемъ коментируются и заучиваются; изъясняются и усваиваются идеи юридическихъ институтовъ или какъ ихъ понимаетъ законодатель, создавшій данную норму или какъ ихъ понимаетъ сама жизнь. Такая картина юридическаго быта, правдивая и безстрастная, чуждая юридико-техническихъ тонкостей, чуждая юридико-логическихъ началъ и понятій, доступная-пониманію не спеціалиста, сама по себѣ заставитъ обучающагося вдумываться въ смыслъ юридическаго быта, дастъ ему прочный матеріалъ для умственной работы, пріучитъ его самого считаться съ установившимися условіями и обстоятельствами, тоже имѣющими свое жизненное основаніе.

Вышеуказанная задача преподаванія Законовѣдѣнія выставляется очень многими авторами французскихъ учебниковъ Законовѣдѣнія. Такъ, Lamy [1]) формулируетъ ее такъ: надо сообщать учащимся идеи, породившія юридическіе институты и законы. То же самое въ учебникѣ, составленномъ этимъ авторомъ вмѣстѣ съ Mayrargue [2]). Приблизительно то же самое говорятъ Bonnaire и Boivin [3]): donner sur chaque matiere des idees essentielles". Но, къ сожалѣнію всѣ эти авторы даже не пытаются провести поставленную задачу въ своихъ трудахъ,—труды ихъ носятъ до того практическо-догматическій характеръ, что въ приложеніи къ нѣкоторымъ учебникамъ помѣщены образцы дѣловыхъ бумагъ и сдѣлокъ...

II.

Методы преподаванія Законовѣдѣнія.

Подъ методомъ преподаванія мы здѣсь разумѣемъ не совокупность пріемовъ преподаванія, о чемъ рѣчь впереди, а методъ изложенія Законовѣдѣнія, находящій свой

---

[1]) *Lamy*, Éléments d'Éducation civique et sociale, p. 2.
[2]) Н. с. стр. 1.
[3]) Droit usuel p. VI.

прототипъ въ томъ или другомъ методѣ научнаго изслѣдованія. Таковые методы суть: историческій, догматическій или юридико-логическій, философскій и политико-юридическій.

Нечего и говорить, что историческій методъ цѣликомъ непримѣнимъ къ изложенію Законовѣдѣнія; рѣчь можетъ идти лишь объ экскурсіяхъ въ область исторіи права. Предѣлы внесенія историческаго элемента опредѣляются задачею преподаванія, какъ она выше нами формулирована. Среди законодательныхъ нормъ имѣются и такія, которыя являются плодомъ творчества не современнаго законодателя, а законодателей прошлыхъ вѣковъ. Современный законодатель лишь сохранилъ ихъ, быть можетъ, лишь облекъ въ новую форму, внесъ тѣ или другія измѣненія и т. п. Если задача преподаванія Законовѣдѣнія—раскрытіе мысли законодателя, законодательнаго мотива, то естественно надо обратиться къ мысли тѣхъ законодателей, плодомъ творчества которыхъ данная норма является. Напримѣръ, наслѣдованіе супруговъ и дочерей (указная часть), образованіе сословій и т. п., безъ историческихъ объясненій не могутъ быть поняты. Но съ точки зрѣнія выше-

указанной задачи преподаванія, эти историческія экскурсіи должны быть основаны на тѣхъ законодательныхъ актахъ, которыми данное положеніе впервые узаконено и затѣмъ дополнено или измѣнено. Словомъ, это должно быть не повѣствованіемъ, а изъясненіемъ смысла, быть можетъ, древняго акта со стороны той цѣли, которую имѣлъ въ виду древній законодатель. Далѣе этого идти не слѣдуетъ. Всѣ эти процессы образованія юридическихъ явленій (эволюція), напримѣръ, государства, собственности и т. п., совершенно неумѣстны въ Законовѣдѣніи. Все это и гадательно и не имѣетъ прямого отношенія къ современности, а главное, время не позволяетъ заниматься подобными вопросами.

О примѣненіи философскаго метода цѣликомъ тоже не можетъ быть рѣчи—спорить можно лишь о степени необходимости включенія въ Законовѣдѣніе очерка общей теоріи права и государства. Главное основаніе, по которому считается необходимымъ включеніе этого очерка то, что, не имѣя понятія о правѣ и государствѣ вообще, нельзя уразумѣть все дальнѣйшее содержаніе Законовѣдѣнія. Нѣкоторая, хотя и небольшая, брешь пробита г. Вальденбер-

гомъ, доказывающимъ непедагогичность изложенія сначала болѣе труднаго, а затѣмъ болѣе легкаго и изложившаго общую теорію права послѣ права государственнаго. Но я иду еще гораздо дальше. Я нахожу, что, прежде всего, очеркъ общей теоріи права не только безполезенъ, но положительно вреденъ. Что такое общая теорія права? Это въ настоящее время, если не nonsens, такъ нѣчто однобокое. Это по преимуществу общая теорія гражданскаго права, а не права вообще, слагающагося изъ права частнаго и публичнаго. Главнѣйшее содержаніе ея составляетъ ученіе о субъективномъ правѣ, а субъективное публичное право еще въ зародышѣ. Jellinek въ своемъ классическомъ трудѣ System der subjectiven öffentlichen Rechte сдѣлалъ лишь попытку изслѣдованія субъективнаго публичнаго права. Еще большая работа впереди. Надо, значитъ, сначала разработать публичное субъективное право, а затѣмъ приняться за обобщеніе его съ частнымъ субъективнымъ правомъ: тогда только можно говорить объ общей теоріи права [1]). Въ настоящее время изложить общую

[1]) Университетскій курсъ общей теоріи я только и понимаю, какъ попытку обобщенія публичнаго и частнаго права.

теорію права—значитъ ввести въ заблужденіе изучающаго; уличить въ этомъ излагающаго ее можетъ толковый гимназистъ, предложивъ вопросъ о примѣненіи того или другого положенія quasi общей теоріи права къ праву публичному. Субъективное право государства, субъективное право Монарха, субъективное право парламента, министра, сборщика податей, судьи и т. д., субъекты этихъ правъ, ихъ право- и дѣеспособность, объекты ихъ правъ и т. д.—что это за права, субъекты и объекты, право- и дѣеспособность, тѣ ли это, о которыхъ рѣчь идетъ въ общей теоріи права? Если же желать быть искреннымъ и перенести ученіе о субъективномъ правѣ въ гражданское право, то возникаетъ вопросъ, почему въ общей теоріи не говорится объ этомъ. Путаница въ этомъ случаѣ доходитъ до крайнихъ предѣловъ. Во многихъ нашихъ учебникахъ Законовѣдѣнія [1]) въ отдѣлѣ гражданскаго права рѣчь идетъ о правѣ вообще, о субъектѣ и объектѣ права вообще и т. д., а въ отдѣлѣ общей теоріи ничего этого не говорится или говорится то же самое, но менѣе

[1]) *Зноско-Боровскій* в. 1, стр. 27 — 30, в. 3, стр. 1 — 21. *Крюковскій* и *Товетольсъ* изд. 3, отд. 2, стр. 2—3.

подробно. Далѣе, если бы преподаватель вздумалъ подробно разъяснять, напр. понятіе субъективнаго права и его элементы, то ему пришлось бы или изложить различныя теоріи—теорію защищеннаго интереса Іеринга, волевую теорію Виндшейда, теорію подѣленія и приспособленія объекта Коркунова, теорію аттрибутивно-императивной функціи права Петражицкаго и т. п. или принять одну изъ нихъ и ее разъяснять. Первый пріемъ ничего не уяснилъ бы и вызвалъ бы въ головахъ учениковъ совершенный сумбуръ, а второй, какъ по необходимости деталированный, со всѣми подробностями, именно благодаря этимъ подробностямъ, частностямъ, имъ еще не вѣдомымъ, не могъ бы привести къ пониманію. Словомъ, общей теоріи права нѣтъ мѣста въ Законовѣдѣніи, да ее и не требуется при томъ пониманіи задачи преподаванія, какая нами принята. Самое большее, что можно допустить, это — во введеніи нѣсколько словъ о правѣ въ субъективномъ смыслѣ, давъ ему самое формальное опредѣленіе, безъ всякаго отношенія къ содержанію, какъ возможности, самолично или черезъ представителя, дѣйствовать или требовать дѣйствій отъ другихъ въ предѣлахъ, ука-

занныхъ закономъ [1]). Конечно, исключеніе широкихъ обобщеній влечетъ за собою ту внѣшнюю невыгоду, что дѣлаются неизбѣжными повторенія. Эта невыгода, съ одной стороны, не велика—повтореніе иногда полезно, а съ другой—ее во многихъ случаяхъ можно избѣжать посредствомъ простой ссылки на изложенное выше; напримѣръ, такой пріемъ придется примѣнить къ разбросаннымъ въ курсѣ законамъ объ ограниченіе гражданской и политической правоспособности женщинъ. Иное дѣло право въ объективномъ смыслѣ, особенно ученіе о законахъ, включаемое въ общую теорію права; во введеніи долженъ быть данъ историческій очеркъ нашей кодификаціи и указано на содержаніе Свода, но не въ видѣ перечисленія по томамъ, а въ извѣстной группировкѣ, системѣ по матеріямъ, съ обозначеніемъ нумеровъ тома въ скобкахъ (см. ниже соображенія противъ всякихъ перечисленій). Изложенное отрицательное отношеніе къ общей теоріи права какъ предмету преподаванія лицамъ, не подготовленнымъ къ изученію юриспруденціи, не есть нѣчто оригинальное. Во всѣхъ Прусскихъ университетахъ Энцик-

---

[1]) *Bonnaire et Boivin* н. с. стр. I.

лопедія, въ смыслѣ общей теоріи права, исключена изъ числа вводныхъ наукъ, читаемыхъ на младшихъ семестрахъ и замѣнена особою Einführung in die Rechtswissenschaft [1]). Образцомъ такой „Einführung“ является, переведенное и на русскій языкъ, сочиненіе берлинскаго профессора Колера [2]); тутъ общей теоріи права ровно три страницы. Если общая теорія права признана компетентными учрежденіями, университетами непригодной даже для начинающаго юриста, то можно ли настаивать на пригодности ея для гимназистовъ, изъ коихъ лишь незначительная доля посвятитъ себя юриспруденціи! Наконецъ, не могу не указать на массу нѣмецкихъ и французскихъ курсовъ Законовѣдѣнія (Bürgerkunde, Droit usuel), въ которыхъ нѣтъ и тѣни общей теоріи права.—Что касается общей теоріи государства, то ей отводить особое мѣсто въ Законовѣдѣніи тоже нѣтъ основанія. О происхожденіи государства (эволюціи) я уже высказалъ свои соображенія, что же касается элементовъ государства и функцій государственной власти, то указать на нихъ

---

[1]) Verorgu. d. Just. Minest v. 18 Iuni 1897.

[2]) *Колеръ.* Введеніе въ науку права. Переводъ подъ редакціей Платонова. 1903 г.

можно въ связи съ изложеніемъ русскаго законодательства; наконецъ, вопросъ о классификаціи государствъ въ достаточной мѣрѣ извѣстенъ гимназистамъ изъ исторіи и географіи; дополнительныя указанія могутъ быть сдѣланы при изложеніи нашего государственнаго устройства. Остается одно понятіе государства, которое можетъ быть очерчено въ связи съ тою парою словъ о правѣ вообще, которому мѣсто во введеніи.

Обращаясь къ догматическому методу, замѣчу, что, понимаемый въ общемъ смыслѣ, именно онъ долженъ быть примѣненъ къ преподаванію Законовѣдѣнія, соотвѣтственно той задачѣ, которая нами установлена. Въ примѣненіи своемъ къ научному изложенію онъ уже давно вполнѣ вылился въ теоретическую, строго логическую форму. Точныя опредѣленія юридическихъ понятій, тонкія и сложныя юридическія конструкціи, рельефно очерченныя юридическія характеристики, строго логическая систематизація—все это средства раскрытія юридической природы жизненныхъ отношеній съ догматической точки зрѣнія [1]). Все это

---

[1]) Прекрасное, хотя и не полное, изложеніе этихъ пріемовъ дано Іерингомъ во 2 т. его «Geist des röm.schen Rechts«. Имѣется въ русскомъ переводѣ глава «Юридическая техника» въ переводѣ г. Шендорфа.

прекрасныя средства выработать въ учащихся способность юридическаго мышленія, умѣніе квалифицировать жизненные случаи. При такомъ строго-научномъ пониманіи догматическаго метода онъ совершенно непримѣнимъ къ преподаванію Законовѣдѣнія. Какъ я уже упоминалъ выше, спеціально дидактическая задача изученія юриспруденціи должна быть оставлена въ сторонѣ при преподаваніи Законовѣдѣнія. Для выполненія задачи преподаванія послѣдняго вовсе не требуется сложнаго аппарата юридической догматики. Могутъ легкомысленно возразить: значитъ, для преподаванія Законовѣдѣнія не требуется ни точныхъ юридическихъ понятій, ни юридически правильныхъ конструкцій и характеристикъ, не требуется уясненія юридической природы жизненныхъ отношеній? Конечно, если это возраженіе понимать въ томъ смыслѣ, что при преподаваніи Законовѣдѣнія можно, значитъ, довольствоваться неточными юридическими понятіями, неправильными конструкціями и характеристиками, игнорировать юридическую природу отношеній, то такое возраженіе совершенно нелѣпо. Я имѣю въ виду точную формулировку и анализъ юридическихъ понятій, построеніе

юридическихъ конструкцій и т. д. Ничего этого въ Законовѣдѣніи не дѣлается; съ точки зрѣнія преподающаго работа догматики кабинетная, является готовою, и онъ лишь пользуется ея результатомъ для своихъ цѣлей. Въ его изложеніи эти понятія, конструкціи и т. п. скрыты, облечены въ другую форму, ученики ихъ не видятъ; они воспринимаютъ результаты сложной работы юридической мысли. Передъ ними излагается другая сторона жизненнаго явленія, сторона бытовая, воплощеніе мысли законодателя. Всевозможныя конструкціи, комбинаціи и т. п. преподаватель, если можно такъ выразиться, таитъ въ себѣ, внутренно руководясь ими, но не выражая это вовнѣ. Напримѣръ, преподаватель прекрасно знаетъ, что юридическая природа договорной неустойки очень сложна. Она—или пеня или интересъ. Чтобы установить ея понятіе, требуется большая умственная работа—дедуктивная, если законъ далъ ей опредѣленную характеристику какъ пени или какъ интереса, индуктивная—если характеристика не дана и надо ее установить изъ отдѣльныхъ положеній закона; въ первомъ случаѣ, смотря по тому, дана ли та или другая характеристика, дѣлается рядъ противо-

положныхъ выводовъ, во второмъ—изъ ряда отдѣльныхъ положеній дѣлаются выводы въ пользу той или другой характеристики и т. д. Никакихъ такихъ логическихъ построеній преподаватель Законовѣдѣнія при изложеніи неустойки не долженъ дѣлать. Онъ сразу говоритъ, (если онъ пришелъ къ тому, что у насъ неустойка пеня), что сторонамъ въ договорѣ предоставляется выговаривать извѣстную денежную пеню съ должника на случай неисполненія обязательства и затѣмъ обращается къ жизненнымъ мотивамъ такого соглашенія.

Какую бы логическую операцію, примѣняемую въ догматикѣ, мы ни вздумали примѣнить къ Законовѣдѣнію, она окажется совершенно непереваримой для ума ученика. Такъ, процессы дифференціаціи и интеграціи юридическихъ отношеній, широко примѣняемые въ догматикѣ, съ одной стороны устанавливаютъ признаки изучаемаго отношенія, отличающіе его отъ сродныхъ отношеній, а съ другой сводятъ отношенія сродныя къ извѣстнымъ группамъ, подгруппамъ и т. д. Возьмемъ примѣры: перваго—дареніе, второго—группу вещныхъ правъ. Дается рядъ признаковъ, отличающихъ дареніе отъ купли, завѣщанія, про-

щенія долга; вещныя права группируются на право собственности и право на чужую вещь, послѣднее, на право на субстанцію чужой вещи и право на стоимость чужой вещи и т. д. Я даже представить себѣ не могу, какъ всѣ эти тонкіе признаки даренія могутъ быть уразумѣваемы гимназистомъ. Я выслушалъ немало отвѣтовъ гимназистовъ, усердно заучившихъ всякіе признаки юридическихъ отношеній по учебникамъ (въ которыхъ, кстати сказать, съ этой стороны масса ошибокъ), но обнаруживших совершенное непониманіе заученнаго. А остановите вниманіе ученика на жизненномъ смыслѣ даренія, опишите ему этотъ актъ расположенія одного лица къ другому, объясните ему, чего стремился достигнуть законодатель, устанавливая рядъ нормъ и т. п.—это будетъ и полезно и понятно. О группировкѣ вещныхъ правъ въ Законовѣдѣніи и надобности нѣтъ говорить; самые термины „вещное право“ и „право на чужую вещь“ совершенно излишни въ Законовѣдѣніи; и то и другое понятіе пока такъ сложны и спорны, что уясненіе ихъ введетъ въ непроходимыя дебри. Въ Законовѣдѣніи надлежитъ изложить жизненную основу законовъ о собственности,

о залогѣ, объ угодьяхъ и т. д., а какія это научныя категоріи—это выходитъ изъ области вопросовъ, входящихъ въ Законовѣдѣніе. Говоря о непригодности для преподаванія Законовѣдѣнія строго догматическаго метода, я бралъ примѣры изъ гражданскаго права и далъ какъ бы поводъ думать, что онъ пригоденъ для преподаванія той части Законовѣдѣнія, которая посвящена области публичнаго права. Это невѣрно. Примѣнимы мои соображенія и къ другимъ частямъ Законовѣдѣнія; напримѣръ, примѣнимы они къ уголовному праву; достаточно указать на юридическую структуру соучастія въ преступленіи и прикосновенность или структуру ступеней въ осуществленіи преступной воли (приготовленіе, покушеніе, совершеніе),—какими тонкими чертами въ наукѣ разграничиваются формы соучастія и стадіи осуществленія воли! Точно также изъ области государственнаго права къ такимъ юридически сложнымъ институтамъ, подлежащимъ строго юридическому анализу, принадлежатъ формы государственной власти—юридическая структура и понятіе управленія, виды послѣдняго и т. д. Все это въ наукѣ раскрывается путемъ сложныхъ логическихъ

операціи. Въ Законовѣдѣніи излагаются соображенія, коими руководился законодатель, давая рядъ нормъ, опредѣляющихъ соучастіе, покушеніе, управленіе и т. п., соображенія реальныя, жизненныя.

Другое возраженіе противъ нашего взгляда на непримѣнимость строго-догматическаго метода могло бы заключаться въ томъ, что въ Законовѣдѣніи достаточно лишь намѣтить въ краткихъ и общихъ чертахъ юридическую структуру институтовъ, не вдаваясь въ подробности. Это возраженіе — contradictio in adjecto. Анализъ въ двухъ словахъ—это ничто, это рядъ загадокъ, совершенно неразрѣшимыхъ для того, кому онѣ задаются. Лучшимъ примѣромъ могутъ служить наши учебники Законовѣдѣнія, гдѣ все, касающееся гражданскаго права, и почти все, касающееся уголовнаго, сплошная загадка. Конечно, въ устномъ изложеніи, въ преподаваніи все это изъясняется подробнѣе; но это изъясненіе въ дѣйствительности является загроможденіемъ новыми загадками; чѣмъ глубже научный анализъ, тѣмъ онъ детальнѣе и тѣмъ труднѣе его уразумѣніе.

Наконецъ, примѣненіе къ преподаванію Законовѣдѣнія строго-догматическаго

метода неизбѣжно приводитъ къ чрезмѣрно обильному изложенію законодательнаго матеріала. Совершенно теряется мѣрило для рѣшенія вопроса, что изъ законодательныхъ актовъ вносить въ курсъ, чего не вносить. Вносится обыкновенно громадная масса матеріала (статей закона), а такъ какъ изложеніе должно быть краткимъ (за недостаткомъ времени), то получается нѣчто конспективное и мало понятное. Во многихъ случаяхъ юридическій анализъ совершенно не удается, онъ исчезаетъ, будучи замѣненъ законодательнымъ матеріаломъ; часто это обращается въ пересказъ закона. Иное дѣло, когда задачей является изложеніе духа закона, жизненныхъ мотивовъ, его вызвавшихъ; при такой точкѣ зрѣнія все детальное устраняется; излагается лишь то, что всего рельефнѣе выражаетъ намѣреніе, цѣль законодателя.

Однимъ изъ видовъ догматическаго метода является методъ сравнительно-догматическій. И о немъ надо сказать, что цѣликомъ, полностью онъ не можетъ находить себѣ примѣненіе къ Законовѣдѣнію. Я вполнѣ раздѣляю мнѣніе г. Вальденберга, что иногда очень полезно для сравненія обращаться къ иностраннымъ законода-

тельствамъ, но я совершенно несогласенъ съ нимъ, когда и въ какихъ частяхъ курса къ нимъ полезно обращаться. Г. Вальденбергъ предлагаетъ давать „справки“, напримѣръ, по вопросу о самоуправленіи; при классификаціи формъ государствъ имъ въ видѣ примѣра излагаются иностранныя конституціи. Такія справки-примѣры представляютъ изъ себя нѣчто случайное, произвольное Въ преподаваніи каждый шагъ долженъ быть методологически обоснованъ. Наша точка зрѣнія на задачи преподаванія Законовѣдѣнія опредѣляетъ собой и примѣненіе сравнительнаго метода. Обращаться къ иностраннымъ законодательствамъ слѣдуетъ, когда данный законъ, изложеніе коего будетъ признано необходимымъ, заимствованъ и мотивъ этого закона можетъ быть выясненъ лишь путемъ обращенія къ иностранному законодательству. Напримѣръ, при изложеніи учрежденія Государственнаго Совѣта необходимо обратиться къ мотивамъ введенія на Западѣ двухпалатной системы; при изложеніи законовъ о судѣ съ присяжными—къ мотивамъ созданія англійскаго jury и т. д. Засимъ не согласенъ я съ г. Вальденбергомъ, что обращаться къ сравнительному методу

при изложеніи гражданскихъ законовъ не слѣдуетъ. Не вижу рѣшительно никакихъ основаній такому ограниченію. Единственное соображеніе, приводимое г. Вальденбергомъ, то что вся польза сравнительнаго метода заключается въ указаніи на „различія“ между нашимъ и иностраннымъ закономъ; различіе это, какъ справедливо замѣчаетъ авторъ, касается лишь второстепенныхъ пунктовъ. Съ точки же зрѣнія формулированной мною задачи преподаванія Законовѣдѣнія важно не „различіе“, а „сходство“, при изложеніи гражданскихъ законовъ полезно, даже необходимо обращаться къ сравнительному методу въ случаяхъ, когда нашъ законъ заимствованъ изъ иностраннаго законодательства. Такіе случаи одинаково возможны и въ гражданскомъ и въ государственномъ правѣ. Но изъ того, что съ моей точки зрѣнія важнѣе „сходство“ съ иностраннымъ законодательствомъ, чѣмъ „различіе“, не слѣдуетъ выводить, что я исключаю безусловно „различіе“; при разъясненіи того или другого русскаго закона чрезвычайно полезно указаніе и на такія положенія, какихъ въ нашихъ законахъ нѣтъ, напримѣръ, на условное осужденіе, обязательное обученіе, отвѣтственность ми-

нистровъ, наслѣдственную обязательную долю, подоходный налогъ и т. п. Но все это допустимо насколько позволитъ время.

Изложенный взглядъ нашъ на предѣлы примѣненія сравнительнаго метода разрѣшаетъ и вопросъ о томъ, надлежитъ ли излагать иностранные законы аналитически или синтетически. Несомнѣнно синтетически, безъ анализа цѣльныхъ институтовъ по тому или другому законодательству (напримѣръ, французская конституція, англійскій self-government и т. п.), ограничиваясь ссылками ad hoc при изложеніи мотивовъ, цѣли, смысла того или другого русскаго закона.

Перехожу къ политико-правовому методу. Я не вѣрю въ возможность созданія особой науки политики права, точнѣе особой теоріи искусства, законоискусства. Основныя начала и реальная почва, матеріалы ея столь разнообразны, что объединеніе всего этого едва ли возможно. Начала справедливости, цѣлесообразности, гуманности, выгоды и пр. находятъ себѣ безконечно разнообразное примѣненіе, смотря по индивидуальному свойству даннаго жизненнаго явленія, а матеріалъ ея составляетъ предметъ различныхъ спеціальныхъ научныхъ

дисциплинъ—политической экономіи, этики, психологіи и т. п. Создать изъ всего этого калейдоскопа нѣчто цѣльное невозможно. Я допускаю лишь существованіе политико-правового метода, политико-правовой точки зрѣнія при изслѣдованіи жизненныхъ явленій. Это тотъ методъ, та точка зрѣнія, которые, въ ущербъ строго догматическому методу, широко примѣняются въ правѣ государственномъ (политика), уголовномъ (уголовная политика), финансовомъ (финансовая политика) и др. Эта точка зрѣнія часто именуется точкой зрѣнія de lege ferenda. Общаго между ними не мало. Объ точки зрѣнія непосредственно касаются законодательной дѣятельности въ нормированіи жизненныхъ явленій, законодательнаго творчества. Но есть и нѣкоторое между ними различіе: первая требуетъ болѣе широкаго изслѣдованія, она требуетъ, чтобы удѣлялось одинаковое вниманіе и уже сложившимся продуктамъ законодательнаго творчества и еще желательнымъ въ будущемъ, вторая же болѣе узкая: ее занимаютъ сложившіеся продукты законодательнаго творчества главнымъ образомъ съ отрицательной стороны (критика закона), она требуетъ, прежде всего, указаній на измѣне-

ніе законовъ, созданіе новыхъ. Нечего и говорить, что точка зрѣнія de lege ferenda, въ упомянутомъ смыслѣ, къ преподаванію Законовѣдѣнія непримѣнима. Критика вообще и законодательная въ частности совершенно неумѣстна въ средней школѣ; она смолоду пріучаетъ къ верхоглядству и научному легкомыслію. Здоровая критика имѣетъ громадное значеніе, если она покоится на солидномъ знаніи, какового въ гимназистѣ предполагать довольно наивно; одновременно давать обрывки знаній и подвергать эти обрывки критикѣ не только безполезно, но и положительно вредно. Что касается точки зрѣнія политико-правовой, то она всего болѣе отвѣчаетъ вышеуказанной задачѣ преподаванія Законовѣдѣнія, но, конечно, съ положительной своей стороны, т. е. со стороны соображеній, коими руководился законодатель, устанавливая соотвѣтственныя нормы. Но эта точка зрѣнія шире той, какую надлежитъ примѣнить къ Законовѣдѣнію. Она изслѣдуетъ всевозможныя основы юридическихъ нормъ: этическія, экономическія, соціальныя и пр. и съ этой стороны ничѣмъ не стѣснена; то, чѣмъ руководился тотъ или другой законодатель, для нея необязательно; она и безъ

опредѣленнаго, положительнаго законодательнаго матеріала можетъ справиться со своей задачей; она стоитъ надъ нимъ и выше его; она законодателю диктуетъ то, что онъ долженъ облечь въ форму закона. Она часто строитъ предположенія, ея главнѣйшія орудія—дедукція, а не индукція, примѣнимая къ положительному матеріалу. Не того требуетъ задача преподаванія Законовѣдѣнія. Преподающій не свободенъ, вѣрнѣе, далеко не всегда свободенъ въ изысканіи и установленіи жизненныхъ основъ закона; для него обязательно съ этой стороны то, что даетъ наличный законодательный матеріалъ, то, чѣмъ въ данномъ случаѣ, судя по имѣющемуся матеріалу, руководился данный законодатель. Для законовѣда только въ крайнемъ случаѣ, при отсутствіи законодательнаго матеріала, наступаетъ необходимость дедуктивныхъ построеній, необходимость строить предположенія и тутъ общая политико-правовая точка зрѣнія нерѣдко приходитъ къ нему на выручку.

Къ числу научныхъ методовъ часто относятъ и методъ описательный. Строго говоря, это не вѣрно; подъ описательнымъ методомъ надо разумѣть лишь особый спо-

собъ изложенія, т. е. нѣчто внѣшнее; онъ не касается существа, содержанія излагаемаго предмета, ни устанавливаетъ, ни предполагаетъ какой-либо особой точки зрѣнія; онъ можетъ лишь исключить ту или другую точку зрѣнія и дѣйствительно исключаетъ строго-юридическій, догматическій методъ. Заключается онъ въ томъ, что описывается извѣстное явленіе по характернымъ его чертамъ, внѣ связи съ какими либо общими принципами, началами, безъ анализа понятія этого явленія, безъ анализа его признаковъ и т. п. Этотъ описательный способъ изложенія я считаю наиболѣе пригоднымъ для Законовѣдѣнія. Никакихъ логическихъ комбинацій этотъ способъ не предполагаетъ. Рисуется картина даннаго явленія по тѣмъ чертамъ, которыя даются закономъ, могущимъ, конечно, быть обсуживаемымъ съ различныхъ точекъ зрѣнія и между прочимъ, что важно въ данномъ случаѣ, съ точки зрѣнія легислятивной. Слѣдуетъ, однако, сдѣлать оговорку, что подъ описательнымъ методомъ отнюдь не слѣдуетъ понимать, какъ мы это видимъ чуть не во всѣхъ нашихъ учебникахъ Законовѣдѣнія, болѣе или менѣе подробный пересказъ текста закона. Это, конечно,

тоже описаніе, но низшаго разбора, чуждое всякихъ методологическихъ основъ. Не подойдетъ подъ описательный методъ и комментированіе закона, примѣняемое нѣкоторыми авторами учебниковъ, особенно къ нашимъ основнымъ законамъ. Комментарное изложеніе тоже описательное; оно заключается въ раскрытіи смысла отдѣльныхъ статей закона, исходя изъ буквальнаго его текста. Для изложенія Законовѣдѣнія оно непригодно: изучающему Законовѣдѣніе не нужны подробныя толкованія, преимущественно практическаго характера, закона; изучающему излагается смыслъ текста закона, какъ нѣчто готовое. Преподаватель долженъ знать всѣ возможныя и предложенныя толкованія даннаго закона, но вводить въ этотъ лабиринтъ учащагося онъ не долженъ.

III.

Описательный, положительно-легислятивный методъ преподаванія Законовѣдѣнія, его пригодность и примѣнимость.

Въ предшествующемъ изложеніи, хотя и въ краткихъ, пока достаточныхъ и для образованнаго юриста понятныхъ, очертаніяхъ обрисованъ тотъ методъ, который наиболѣе

отвѣчаетъ задачѣ преподаванія Законовѣдѣнія, выше формулированной. Мы могли бы назвать его описательнымъ, положительно-легислятивнымъ методомъ, но дѣло не въ названіи. Онъ описательный по способу изложенія, положительно-легислятивный по существу. Естественно возникаютъ два вопроса, почему этотъ только методъ наиболѣе подходитъ къ преподаванію Законовѣдѣнія и осуществимо ли примѣненіе его къ преподаванію этого предмета. Что касается описательнаго метода, то о пригодности его не можетъ быть двухъ мнѣній. Примѣненіе его, какъ мы упомянули выше, тѣснѣйшимъ образомъ связано съ исключеніемъ метода строго-догматическаго. Во-первыхъ, онъ допускаетъ популярность, общедоступность изложенія. Это очень важно для предмета преподаванія въ средней школѣ. Въ изложеніи не окажется обобщеній, выводовъ, конструкцій и проч., устраняется все непонятное для гимназиста. Описать явленія со всей точностью, подробностью и вполнѣ понятно для неспеціалиста является вполнѣ возможнымъ и безъ тонкостей юридическаго анализа. Напримѣръ, вмѣсто того, чтобы сказать: наемъ есть обязательственное отношеніе, заключающееся въ

томъ, что одно лицо предоставляетъ другому пользованіе имуществомъ за извѣстное вознагражденіе въ теченіе извѣстнаго срока,—можно описать наемное правоотношеніе такъ: собственникъ можетъ или самъ извлекать выгоду изъ своего имущества или предоставить другому пользоваться этимъ имуществомъ, получая отъ послѣдняго извѣстное вознагражденіе, чаще въ видѣ денежной суммы, а иногда и въ видѣ предоставленія другихъ вещей. Это пользованіе выгодами чужого имущества можетъ быть различно: квартирантъ пользуется квартирой въ домѣ собственника, арендаторъ извлекаетъ изъ имѣнія продукты и становится ихъ собственникомъ; онъ или самъ потребляетъ эти продукты или продаетъ ихъ и т. д. Это пользованіе должно быть ограничено срокомъ; если другому лицу предоставлено извлеченіе выгодъ на вѣковѣчныя времена, то это будетъ уже особое отношеніе и подъ наемъ не подходитъ. Затѣмъ указывается на экономическое значеніе чиншевого права, отношеніе къ нему законодательства; разсматривается мотивъ закона, ограничивающаго наемъ недвижимости 12-лѣтнимъ срокомъ и т. д. Возьмемъ еще примѣръ. Описаніе права

собственности исключаетъ необходимость отдѣльнаго разсмотрѣнія элементовъ, содержанія, предѣловъ, объема и т. д. этого права, но всѣ эти вопросы могутъ самымъ незамѣтнымъ образомъ быть включены въ описаніе собственности. Возьмите содержаніе права собственности: точнаго анализа трехъ его элементовъ не требуется. Я помню отвѣтъ, вообще прекрасно отвѣчавшаго гимназиста, объ одномъ изъ этихъ элементовъ—владѣніи; бѣдняга совсѣмъ запутался. Въ описательной формѣ изложенія эта трудность усвоенія исчезаетъ. Нѣтъ даже надобности рѣзко выдѣлять термины: владѣніе, пользованіе и распоряженіе. Достаточно развить и иллюстрировать примѣрами „власть“ собственника, какъ признанная за нимъ возможность непосредственнаго обладанія вещью, возможность въ любой моментъ стать въ такое непосредственное отношеніе, возможность извлекать изъ вещи экономическую выгоду, возможность рѣшать судьбу вещи, продать ее, заложить и т. п., возможность защитить свое право при помощи суда, даже какъ предполагаемое право, безъ представленія доказательствъ (защита владѣнія) и т. д. Во-вторыхъ, описательный

методъ возбуждаетъ интересъ учащагося къ предмету. Можно съ мѣста вызвать въ немъ отвращеніе къ предмету, если излагать хитро-сплетенныя тонкости юриспруденціи. И умъ учащагося быть можетъ вовсе не склоненъ и не способенъ къ сухому анализу, да онъ и желанія не имѣетъ постигать эти безполезныя для него, но необходимыя и интересныя для юриста тонкости. Конечно, если бы изученіе юридической техники было необходимо, то, и говорить нечего, обучающійся долженъ бы былъ ихъ изучить, но мы никакой необходимости въ этомъ не видимъ; видимъ въ этомъ только вредъ. Заинтересовать учащагося необходимо; онъ долженъ съ любовью изучать предметъ, а этого можно достигнуть лишь примѣненіемъ описательнаго метода. Какую сушь представляетъ для учащагося, напримѣръ, анализъ солидарныхъ обязательствъ, одна изъ интереснѣйшихъ матерій чистой юриспруденціи? А между тѣмъ, какъ интересно можно описать отношенія по круговой порукѣ въ примѣненіи къ вознагражденію за убытки, причиненные преступленіемъ, и къ артельной формѣ товариществъ! Ничего не значитъ, что въ описаніи этомъ будетъ рѣчь лишь объ услов-

ной и о пассивной солидарности; прямой и активной солидарности законъ почти не касается и въ жизни она рѣдко встрѣчается, что, конечно, для юриста не является основаніемъ ихъ игнорировать, а для не-юриста они никакого интереса не представляютъ. Наконецъ, въ третьихъ, описательный методъ особенно приложимъ при примѣненіи метода легислятивнаго. Разъ юридическія явленія излагаются со стороны ихъ жизненнаго мотива, принятаго законодателемъ, то иного способа изложенія кромѣ описательнаго и примѣнить невозможно. Когда на первомъ планѣ стоитъ вопросъ, какая цѣль, каковъ мотивъ закона, тогда только и возможно описаніе. Разъ поставлены такія рамки, то исключается все, заслоняющее мысль закона—тонкія разграниченія, группировки, обобщенія, и т. п. логическія операціи не поддаются одному описанію, а связаны съ необходимостью строго послѣдовательнаго, формально-логическаго хода мысли; тутъ ни иллюстраціи, ни отступленія неумѣстны. Когда же приходится излагать, какими соображеніями руководился законодатель, установивъ: двухпалатную систему, или, охраненіе права собственности, или усло-

вія совершенія брака, и т. п. то тутъ болѣе чѣмъ у мѣста описаніе.—Далѣе, выполнимо ли, осуществимо ли примѣненіе описательнаго метода къ изложенію Законовѣдѣнія? Относительно государственныхъ наукъ, т. е. вѣрнѣе, явленій, коими эта наука занимается, сомнѣнія быть не можетъ. Въ государственныхъ наукахъ, гдѣ строго-юридическій анализъ еще не находитъ себѣ полнаго примѣненія, мы видимъ, что даже научное ихъ изложеніе по преимуществу описательное; слѣдовательно, при изложеніи Законовѣдѣнія примѣненіе описательнаго метода не встрѣтитъ затрудненій. Сомнѣніе можетъ возбудить лишь вопросъ о примѣнимости его къ институтамъ гражданскаго и отчасти уголовнаго права. Сомнѣніе совершенно напрасное. Я не отрицаю трудности, а быть можетъ и невозможности его примѣненія съ цѣлью всесторонняго изложенія законовъ гражданскихъ и уголовныхъ, но описательное изложеніе ихъ съ легислятивной точки зрѣнія представляется мнѣ безусловно возможнымъ. Стоитъ, напримѣръ, взять любой парламентскій отчетъ по обсужденію того или другого вопроса права гражданскаго или уголовнаго, чтобы убѣдиться въ этомъ.

Люди жизни обсуждаютъ цѣлесообразность данной проэктируемой нормы, они не конструируютъ, не анализируютъ, а описываютъ данную жизненную сторону института: уясняютъ цѣль закона, указываютъ на жизненныя его послѣдствія, приводятъ факты изъ жизни и т. п. Г. Вальденбергъ считаетъ почему то описательный методъ примѣнимымъ только къ изложенію государственнаго права и непримѣнимымъ къ гражданскому праву, гдѣ производится „анализъ юридическихъ отношеній". Это, очевидно, недоразумѣніе: „анализъ" и „описательный методъ" одинаково примѣнимы и къ государственному и гражданскому праву; первый лишь примѣняется всего чаще къ гражданскому праву и всего рѣже къ государственному, а второй—наоборотъ.

Что касается легислятивнаго метода, то пригодность его для преподаванія Законовѣдѣнія несомнѣнна. Во-первыхъ, онъ соотвѣтствуетъ задачѣ преподаванія этого предмета—изученіе духа законовъ. Этотъ духъ, эта общая картина юридическаго быта можетъ быть усвоена лишь путемъ ознакомленія съ тѣми жизненными мотивами, которые вызвали данную норму къ существованію. Я совершенно не понимаю

смысла изученія законовъ о министерствахъ безъ разсмотрѣнія тѣхъ соображеній, которыя вызвали въ жизни министерства вообще и каждое въ отдѣльности; все остальное, напримѣръ, составъ министерства, канцеляріи и проч. мелочь, которой можно и не знать. Во-вторыхъ, неспеціалиста, къ каковымъ, конечно, должны быть отнесены и гимназисты, законъ интересуетъ лишь съ жизненной его стороны. Констатированіе лишь факта существованія извѣстнаго закона, (чѣмъ наполнены наши учебники Законовѣдѣнія) совершенно безполезно. Необъятная масса законовъ, какими загромождены эти учебники, только вызываетъ въ учащемся множество вопросовъ и сомнѣній, совершенно неразрѣшимыхъ; да и преподаватель, считающій своей обязанностью изложить всю эту массу, не входитъ въ обсужденіе легислятивной ихъ стороны. Какой интересъ можетъ представить законъ объ апелляціи и кассаціи, безъ разъясненія тѣхъ цѣлей, которыя имѣлъ въ виду законодатель? Зачѣмъ нужны апелляція и кассація? Какой интересъ представляетъ законъ объ ограниченіи найма недвижимостей 12-лѣтнимъ срокомъ безъ разсмотрѣнія мотивовъ его? Обращаю этотъ воп-

росъ къ авторамъ учебниковъ, старательно стремящимся исчерпать всѣ, даже совсѣмъ ненужные, законы, касающіеся даннаго договора, но посвящающимъ этому запрещенію ровно двѣ строки. Въ-третьихъ, надо имѣть въ виду, что со времени вступленія Россіи въ семью конституціонныхъ государствъ, знаніе законовъ, хотя бы элементарное, стало насущною потребностью. Знаніе это необходимо не только для сознательнаго отношенія къ законодательной дѣятельности палатъ и правительства, но и въ виду возможнаго участія учащихся въ будущемъ въ этой дѣятельности. Конечно, пріобрѣтенныя въ гимназіи знанія элементарны, но тѣмъ болѣе необходимо, чтобы они заключались въ знаніи тѣхъ сторонъ законодательства, которыя наиболѣе интересуютъ членовъ общества—его духа, его жизненнаго смысла, соображеній и основаній, вызвавшихъ его къ жизни. Заученные законы, хотя и изложенные „своими словами“, живо испарятся, а осмысленное, въ буквальномъ пониманіи этого слова, изученіе смысла главнѣйшихъ законовъ, при наличности интереса къ изучаемому и вдумчивое къ нему отношеніе—укрѣпятъ данныя школою знанія и они не

скоро исчезнутъ изъ памяти. Удержавъ въ умѣ жизненный смыслъ, мотивы закона, такой учащійся, придя въ зрѣлый возрастъ, сумѣетъ и критически отнестись къ закону и, быть можетъ, содѣйствовать его измѣненію и отмѣнѣ. Наконецъ, легислятивный методъ, какъ выше было замѣчено, является пригоднымъ для преподаванія Законовѣдѣнія лишь съ положительной своей стороны, а не отрицательной. Критика законовъ впереди и—при примѣненіи легислятивнаго метода,—здоровая критика, направленная на самые корни закона. Когда извѣстны основанія даннаго закона, то зрѣлый умъ самъ постарается оцѣнить ихъ по достоинству, но для незрѣлаго ума такая оцѣнка недоступна. Я думаю, что мысль объ исключеніи всякой легислятивной критики при преподаваніи Законовѣдѣнія должна быть проведена съ полной послѣдовательностью даже по отношенію къ законамъ очевидно несостоятельнымъ, какъ напр. законы о паспортахъ, о земскихъ начальникахъ и т. п. Въ Законовѣдѣніи должны быть приведены всѣ основанія, которыя побудили законодателя въ томъ или другомъ видѣ, при тѣхъ или другихъ условіяхъ, создать эти законы. Изучившій эти основанія самъ,

достигнувъ умственной зрѣлости, убѣдится въ ихъ несостоятельности, но это убѣжденіе будетъ обоснованнымъ, такъ какъ придется продумать каждое изъ приведенныхъ въ пользу данныхъ законовъ основаній. Конечно, преподавателю гораздо легче „разнести“ всѣ эти законы, при общемъ сочувствіи класса, но это совершенно неприлично для преподавателя; онъ долженъ дать твердую почву для критики, онъ долженъ привести всѣ доводы законодателя-сторонника этихъ законовъ. Учащіеся впослѣдствіи освѣдомятся о данныхъ, опровергающихъ эти доводы. Опровергнуть соображенія, приводимыя въ законодательныхъ мотивахъ, вовсе не легко и не по плечу гимназисту. Неудовлетворительныхъ законовъ, съ субъективной точки зрѣнія, можетъ оказаться очень много, даже, чего добраго всѣ они; если преподаватель будетъ заниматься критикой ихъ въ ущербъ легислятивнымъ соображеніямъ (а равномѣрное изложеніе и критики и мотивовъ не осуществимо), то онъ дастъ неправильную, одностороннюю картину юридическаго быта, вызывающую злобное отношеніе къ закону и законодателю,—что уже является совершенно недопустимымъ уклоненіемъ отъ

задачъ общеобразовательной школы.—Что касается, наконецъ, примѣнимости положительно-легислятивнаго метода къ преподаванію Законовѣдѣнія, то сомнѣваться въ этомъ нѣтъ основанія. Хотя не могу скрыть, что примѣненіе его встрѣчаетъ, кромѣ внутреннихъ, нѣсколько чисто внѣшнихъ, не въ существѣ метода лежащихъ, затрудненій. Наши учебники Законовѣдѣнія, съ точки зрѣнія какого угодно метода, не выдерживаютъ критики. Нѣтъ, кажется, преподавателя, который не стоналъ бы подъ игомъ учебника. При такихъ учебникахъ какой бы методъ не проводилъ преподаватель, трудъ его пропадетъ даромъ. Другое затрудненіе—необходимость приложенія преподавателемъ большихъ усилій и упорнаго труда для разработки курса по положительно-легислятивному методу; одной университетской подготовки недостаточно—ее необходимо восполнить, особенно изученіемъ законодательнаго матеріала, а по тѣмъ дисциплинамъ, которыя излагаются догматическимъ, строго юридическимъ методомъ—литературою съ одной стороны Іерингов-скаго направленія, а съ другой, направленія политико-правового. Работа нелегкая, но неизбѣжная. Третье затрудненіе, часто

приводимое и при нынѣшнемъ способѣ преподаванія,—недостаточность числа часовъ, отведенныхъ на Законовѣдѣніе—три годовыхъ часа въ гимназіяхъ и два—въ реальныхъ училищахъ—лишь кажущееся Въ увеличеніи числа часовъ я необходимости не вижу. Все дѣло въ умѣлости преподавателя, въ умѣньи ограничиться изложеніемъ малаго числа законовъ, но законовъ самыхъ характерныхъ для уразумѣнія смысла даннаго юридическаго явленія. Впрочемъ этотъ вопросъ будетъ нами разсмотрѣнъ ниже. Что касается внутреннихъ затрудненій въ примѣнимости положительно-легислятивнаго метода къ преподаванію Законовѣдѣнія, то я ни на минуту не сомнѣваюсь въ возможности примѣненія его; я сознаю наличность таковыхъ затрудненій, но одолѣть ихъ и необходимо и возможно. Какія это затрудненія, какъ ихъ устранить?—это вопросы, сливающіеся съ вопросомъ, какъ наилучшимъ образомъ этотъ методъ примѣнить, вопросомъ о методологическихъ основахъ преподаванія Законовѣдѣнія—къ чему я и перехожу.

IV.

Методологическія основы преподаванія Законовѣдѣнія.

Методологическія основы преподаванія Законовѣдѣнія должны зиждеться непосредственно на существѣ даннаго метода, а посредственно—на задачахъ этого преподаванія. Онѣ должны вытекать изъ тѣхъ и другихъ. Эти основы суть: 1) надлежащая выборка матеріала, 2) соблюденіе единства метода, 3) соотвѣтственная система, 4) строгая объективность и 5) удобоусвояемость предмета.

I. Выборка матеріала.

Матеріалъ этотъ безконечно разнообразенъ и исчерпать его невозможно. Непосредственнымъ является дѣйствующее законодательство, а посредствующимъ—акты законодательныхъ учрежденій, историко-юридическіе акты, данныя теоріи и т. д. Задача, изложить дѣйствующее законодательство въ краткихъ выраженіяхъ, своими словами, по возможности исчерпывающимъ образомъ—и невыполнима, благодаря многочисленности законовъ, и нежелательны со стороны методологической; разъ про-

водится извѣстный методъ, онъ долженъ опредѣлить собой и предѣлы изложенія матеріала; излишнихъ балластовъ допустить невозможно, не то изъ-за деревьевъ не удастся увидѣть лѣса; большое количество законовъ заслоняетъ собою методъ, не даетъ возможности использовать лучшія его стороны. Какъ мы уже упоминали выше, слѣдуетъ выбирать законы наиболѣе характерные. Нечего и говорить, что останавливаться на законахъ совершенно безсодержательныхъ, на законахъ, которые считаются таковыми только потому, что помѣщены въ Сводѣ, не слѣдуетъ; каковы напримѣръ, нравственныя сентенціи, вродѣ закона, обязывающаго супруговъ любить другъ друга, и техническія нормы, вродѣ правилъ дѣятельности казенныхъ управленій по завѣдыванію имуществомъ и т. п. Какъ я упомянулъ выше, слѣдуетъ останавливаться на законахъ наиболѣе характерныхъ, а именно: во-первыхъ, воспроизводящихъ наиболѣе выдающіяся индивидуальныя черты даннаго явленія, во-вторыхъ, содержащихъ въ себѣ нормальныя черты явленія, а не случайныя уклоненія и осложненія, и въ третьихъ, на законахъ, не являющихся лишь выводомъ

изъ главнаго, наиболѣе характернаго закона. Что касается первыхъ, то тутъ преподать какія-либо правила совершенно невозможно. Все дѣло въ личномъ тактѣ, въ умѣ и талантѣ преподавателя. Можно лишь рекомендовать, не говоря уже о полномъ отрѣшеніи отъ буквальнаго текста закона, отъ его терминологіи, отъ порядка расположенія статей,—отказаться отъ желанія исчерпать законы, нормирующіе данное явленіе. Можно допустить лишь различіе въ объемѣ изложенія; объ одномъ законѣ слѣдуетъ сказать больше, о другомъ меньше,—меньше, прежде всего о томъ, основной мотивъ котораго укладывается въ нѣсколько словъ. Конечно, отдѣлить характерный отъ нехарактернаго, существенный отъ несущественнаго не легко, какъ это и блестяще доказали авторы нашихъ учебниковъ Законовѣдѣнія. Тѣмъ не менѣе это возможно и необходимо. Возьмемъ примѣры изъ области права публичнаго и частнаго. По вопросу о составѣ Государственной Думы имѣется очень много законовъ. Напримѣръ, въ учебникѣ Законовѣдѣнія г. Зноско-Боровскаго эти законы изложены на протяженіи почти 10 страницъ, и чего тутъ нѣтъ?... и исторія, и критика, и своими

словами изложенныя (почти всѣ) статьи закона по этому вопросу; но нѣтъ тамъ главнаго, чего мы требуемъ отъ курса — примѣненія положительно-легислятивной точки зрѣнія. Если удѣлить вопросу о выборахъ такое же число страницъ какое ему отведено въ учебникѣ, то, благодаря примѣненію нашего метода, очень сократилось бы число воспроизводимыхъ статей, но зато какое широкое поле открылось бы для примѣненія этого метода. По вопросу объ избирательныхъ куріяхъ, напр. вмѣсто совершенно ненужныхъ подробностей, вродѣ размѣра ценза, срока проживанія въ городѣ и т. д., пришлось бы изложить интересные мотивы введенія системы профессіональныхъ курій вообще и нашей въ частности. Примѣръ изъ области частнаго права: поручительство. О немъ въ X т. масса статей, неясныхъ даже для теоретиковъ и практиковъ; изъ этихъ статей достаточно выбрать двѣ-три и изложить, такъ, какъ соотвѣтственныя статьи германскаго кодекса изложены у Колера въ вышеупомянутомъ его „Введеніи“ (стр. 79—80). Затѣмъ, исключеніе изъ курса статей случайнаго характера надо понимать въ томъ смыслѣ, что статьи закона, предусматри-

вающія наступленіе разныхъ инцидентовъ, не должны подлежать разсмотрѣнію въ курсѣ потому, что онѣ для характеристики института излишни—онѣ имѣютъ лишь важное практическое значеніе. Напримѣръ, законъ, предусматривающій совершеніе депутатомъ, членомъ Государственной Думы, преступленія, законъ, предусматривающій продажу собственникомъ сданнаго въ аренду имущества и т. п. Совершеніе депутатомъ преступленія, продажа сданнаго въ аренду имущества и т. п. все случайности, явленія ненормальныя. Съ практической стороны законы объ этихъ инцедентахъ очень важны и законодатель долженъ ихъ имѣть въ виду, но въ общей картинѣ юридическаго быта—это лишняя деталь. Тоже самое, хотя и съ нѣкоторымъ ограниченіемъ, надо сказать о законахъ выводныхъ, каковыхъ не мало среди гражданскихъ законовъ, т. е. когда мысль, въ нихъ выраженная, прямо вытекаетъ изъ существующей нормы закона. Напримѣръ, въ статьѣ 1389 ч. 1 т. X говорится, что продавать можно лишь имущество, на которое имѣешь право и дополняется выводомъ: посему недѣйствительна продажа ожидаемаго наслѣдства и т. д. Но надо имѣть въ виду, что иногда

въ законѣ дается полное или частичное опредѣленіе данному институту и засимъ помѣщаются законы, уже содержащіеся въ опредѣленіи; эти законы не будутъ выводами и они могутъ подлежать разсмотрѣнію, какъ главный предметъ обсужденія съ легислятивной точки зрѣнія. Напримѣръ, у насъ дается опредѣленіе праву представленія (ст. 1123 ч. I т. X), а затѣмъ говорится: 1) „восходящіе родственники не имѣютъ права представленія“ (ст. 1124); это содержится въ словахъ ст. 1123: „дѣти, внуки и ихъ нисходящіе“, 2) „по праву представленія наслѣдство дѣлится поколѣнно“ (ст. 1125); это содержится въ словахъ той же 1123 ст.: „мѣсто его занимаютъ, въ степень его вступаютъ и т. д. Это не выводные законы, а самостоятельные, предусмотрѣнные въ опредѣленіи. Выводные законы въ большинствѣ случаевъ отрицательнаго характера, т. е. законъ выражается въ положительномъ смыслѣ, напримѣръ, лицо имѣетъ право и т. д., а затѣмъ другой законъ указываетъ какихъ правъ лицо не имѣетъ, что разумѣется само собой изъ перваго закона. Напримѣръ, законъ говоритъ; духовныя завѣщанія суть нотаріальныя или домашнія (ст. 1012) т. е.,

очевидно, письменныя, а въ ст. 1023, совершенно ни къ чему, сказано, что словесныя завѣщанія силы не имѣютъ.—Нечего и говорить, что законъ дополняющій и разъясняющій другой не есть выводной. Неумѣстно, далѣе, внесеніе въ курсъ положеній, въ законѣ не выраженныхъ, но выводимыхъ изъ „общаго смысла“ законовъ. Эти положенія въ большинствѣ случаевъ очень спорны и благодаря имъ въ изложеніе вносится много субъективнаго, да къ тому-же всѣ они касаются деталей, часто носящихъ, по преимуществу, практическій характеръ: напр. „залогодатель имѣетъ право на недовзысканную сумму“, „наниматель можетъ требовать уничтоженія договора въ случаѣ негодности предмета пользованія“. Но я далекъ отъ мысли безусловно отрицать значеніе „общаго смысла“ законовъ при изложеніи Законовѣдѣнія. Я допускаю пользованіе имъ, но опять-таки съ легислятивной точки зрѣнія, т. е. какъ мотивомъ закона; напримѣръ, однимъ изъ мотивовъ, (аргументовъ), основательнымъ или неосновательнымъ, не въ этомъ здѣсь дѣло, непризнанія за женщинами избирательнаго права является общій смыслъ законовъ, т. е. наличность ряда законоположеній и

ранѣе непризнававшихъ за ними правъ въ другихъ областяхъ публичнаго права: онѣ не могутъ быть земскими и городскими гласными, присяжными засѣдателями, частными повѣренными, военнослужащими, государственная служба имъ почти закрыта и т. д.

При примѣненіи легислятивнаго метода выборъ матеріала въ значительной степени обусловливается характеромъ обсуждаемаго закона. Съ этой стороны имѣетъ большое значеніе уже упомянутое нами дѣленіе законовъ на являющихся непосредственно продуктомъ законодательнаго творчества и являющихся непосредственнымъ выраженіемъ народнаго правосознанія. Первые по преимуществу имѣютъ (вѣрнѣе: должны имѣть) прецептивный, обязательный характеръ—они или повелѣваютъ что либо или запрещаютъ; повелительные налагаютъ на лицо обязанность дѣлать что либо, хотя, быть можетъ, лицо и поставило себя добровольно въ данное положеніе, при которомъ обязанность эта на него наложена; напримѣръ, добровольно поступило на службу, приняло званіе опекуна и т. д. Запретительные законы запрещаютъ дѣлать что либо и тутъ лицо добровольно можетъ

себя поставить въ извѣстное положеніе, при которомъ на него распространяются запрещенія; напримѣръ, можно принять по наслѣдству родовое имѣніе и тѣмъ подчиниться запрещенію дарить и завѣщать его. Остановимся нѣсколько на законахъ первой категоріи.

Мотивъ закона надо искать непосредственно въ тѣхъ или другихъ актахъ. Иногда это очень нетрудно, а именно, когда акты эти обнародованы; напримѣръ, для изученія мотивовъ нашей конституціи имѣются манифесты, указы, протоколы засѣданій Совѣта Министровъ, инструкціи и проч.; для изученія судопроизводства — изданіе Судебныхъ Уставовъ Государственной Канцеляріей и протоколы засѣданій Государственной Думы и Государственнаго Совѣта, для изученія уголовнаго уложенія—журналы комиссій, объяснительныя записки и т. п. Но иногда этихъ матеріаловъ нѣтъ или они недостаточны; и это окажется во многихъ случаяхъ, такъ какъ обнародованіе мотивовъ закона практикуется лишь въ новѣйшее время. Но зато у насъ, напримѣръ, масса матеріала для раскрытія мотивовъ законодательства, главнымъ образомъ начиная съ XVIII вѣка, покоится въ

архивахъ. Все это чрезвычайно полезный матеріалъ. По особому характеру нашей кодификаціи, драгоцѣннѣйшимъ источникомъ для ознакомлѣнія съ мотивами законовъ является Полное Собраніе Законовъ. По ссылкамъ на соотвѣтственный законодательный актъ, имѣющимся подъ статьями Свода Законовъ, есть возможность во многихъ случаяхъ отыскать корень данной статьи; мотивъ иногда удается отыскать въ самомъ текстѣ эксцерпируемаго законодательнаго акта, но особенно цѣнны съ этой стороны приступы, помѣщаемые часто предъ текстомъ акта, иногда въ манифестѣ, иногда въ мнѣніи Государственнаго Совѣта, и т. п. Тутъ указываются побужденія, по которымъ данный актъ изданъ. Напримѣръ, передъ текстомъ закона о заповѣдно-наслѣдственныхъ имѣніяхъ [1]) говорится, что имъ устанавливаются общія правила для тѣхъ единичныхъ случаевъ, когда представляется допустимъ возстановленіе силы указа Петра В. о единонаслѣдіи. Эта ссылка заставляетъ насъ обратиться къ названному указу, въ которомъ и содержатся подробные мотивы введеннаго Петромъ по-

[1]) Ук. 16 іюля 1845 г. П. С. З. № 19202.

рядка наслѣдованія; эти же мотивы и суть мотивы закона о заповѣдныхъ имѣніяхъ [2]). Но такъ какъ для цѣлей Законовѣдѣнія важны мотивы закона, я самымъ рѣшительнымъ образомъ предостерегаю не пользоваться Полнымъ Собраніемъ для составленія очерковъ внѣшней исторіи законодательства, т. е. для изложенія того, какъ образовался, выросъ данный законъ. Это было бы большой ошибкой—въ Законовѣдѣніи все это лишній балластъ. Но иногда мотивъ современнаго, дѣйствующаго закона лежитъ въ глубокой древности, въ основахъ уже отжившаго строя и опредѣленнаго законодательнаго акта, его создавшаго, указать нельзя. Тогда, разумѣется, необходимы, во-первыхъ, краткая спеціально-историческая замѣтка и во-вторыхъ, соображенія, по которымъ современный законодатель сохранилъ въ силѣ отжившій законъ. Напримѣръ, возьмемъ законы о родовомъ имуществѣ, т. е. объ ограниченіи правъ собственника: тутъ необходимъ очеркъ

---

[2]) Ук. 26 марта 1714 г. (П. С. З. № 2789). Тутъ приводятся мотивы троякаго рода: финансовый,—болѣе обезпечивается исправная уплата податей, фамильный,—отвращается обѣднѣніе дворянскихъ родовъ и нравственный—младшіе сыновья побуждаются къ самостоятельному труду.

вотчиннаго и помѣстнаго строя и указаніе на соображенія законодателя, какими онъ руководился (или могъ руководиться), сохраняя этотъ законъ. Соображенія эти можно найти въ сочиненіяхъ Дормидонтова [1]) и Воронова [2]). Нельзя не отнести къ числу реальныхъ источниковъ, содержащихъ въ себѣ мотивъ закона, также, какъ я упомянулъ выше, говоря о сравнительно-догматическомъ методѣ, иностранныя законодательства. У насъ оказывается не мало законовъ, заимствованныхъ изъ западныхъ законодательствъ (см. статьи Бараца [3]) и Винавера [4]). Конечно, самъ по себѣ иностранный законъ не является мотивомъ закона заимствованнаго. Если найденъ свой мотивъ послѣдняго, то незачѣмъ и упоминать объ иноземномъ происхожденіи нашего закона, но если этого мотива нѣтъ, то необходимо обратиться къ соотвѣтственному мотиву ино-

---

[1]) «Предполагаемыя реформы русскаго наслѣдственнаго права».

[2]) «Вопросъ о родовыхъ имуществахъ въ депутатскихъ наказахъ 1767» г. въ Вѣстн. права 1905 г. кн. 1.

[3]) «О чужеземномъ происхожденіи большинства русскихъ гражданскихъ законовъ» въ Журн. гражд. и угол. права 1884 г. кн. 8 и 10, 1885 г. кн. 5 и 6.

[4]) «Къ вопросу объ источникахъ X т. св. з». въ Журн. М. Ю. 1895 г. кн. 10.

страннаго [1]). Разыскать эти мотивы очень легко, пожалуй даже легче, чѣмъ мотивы нашего законодательства. Это особенно надо сказать о тѣхъ законахъ, которые заимствованы изъ французскаго Code civil; имѣется богатый законодательный матеріалъ, касающійся мотивовъ закона. Мотивы эти обстоятельно воспроизведены у Locrè въ его Legislation civile, criminelle et commerielle de la France. Наконецъ, много даетъ для преподавателя юридическая литература. Она можетъ служить или пособіемъ, или непосредственнымъ источникомъ. Въ первомъ смыслѣ преподающій найдетъ въ ученыхъ трудахъ (монографіяхъ и курсахъ Мейера, Таганцева, Градовскаго, Фойницкаго, Коркунова и др.) уже сдѣланнымъ то, что ему предстояло бы сдѣлать, а именно, изслѣдованіе реальнаго матеріала, содержащаго въ себѣ мотивы закона; особенно много дадутъ сочиненія по такимъ юридическимъ дисциплинамъ, въ которыхъ политико-правовой методъ является преобладающимъ: по государственному полицейскому, уголовному праву и др. Въ смыслѣ

---

[1]) Напр. мотивовъ бывшей ст. 60, нынѣ 89 осн. зак. нельзя установить, но она является буквальнымъ переводомъ art. 2 Code civil, мотивы котораго извѣстны.

непосредственнаго источника ученая литература можетъ дать нѣкоторый матеріалъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда законодатель, создавая данную норму, находился подъ вліяніемъ извѣстнаго научнаго теченія или извѣстнаго научнаго авторитета. Кому не извѣстно вліяніе Монтескье, Бекаріи и др. на Екатерину Великую и ея извѣстный Наказъ, не оставшійся, въ свою очередь, безъ вліянія на законодательство ея времени и на современное [2]). Кто не знаетъ, какое сильное вліяніе оказали взгляды Таганцева на наше новое уголовное уложеніе. Нерѣдко, наконецъ, можетъ оказаться отсутствіе реальныхъ источниковъ, по которымъ можно установить мотивъ закона. Тогда остается одно: построить предположеніе о возможномъ мотивѣ закона, стоя на той реальной почвѣ, на которой онъ выросъ. Напримѣръ, въ источникахъ нельзя найти мотива закона (ст. 2014 ч. I т. X), объявляющаго недѣйствительнымъ долгъ по игрѣ и заемъ для игры [3]);

---

[2]) См. соч. С. Заруднаго, Бекарія: О преступленіяхъ и наказаніяхъ въ сравненіи съ главой X Наказа Екатерины II-ой и съ современными русскими законами, а также Чечулинъ, Наказъ императрицы Екатерины II-ой, данный комиссіи о сочиненіи проекта новаго уложенія.

[3]) Во всѣхъ цитированныхъ подъ ст. 2014 указахъ и въ уставѣ благочинія 8 апрѣля 1782 года нѣтъ указаній на мотивъ.

приходится предположить, что мотивъ этотъ: охраненіе общественной нравственности, желаніе удержать людей отъ риска лишиться безъ пользы для себя имущества и отъ привычки легко, безъ труда, пріобрѣсти имущество и т. п.

Вторую категорію составляютъ законы, если не исключающіе, то сводящіе къ минимуму законодательное творчество. Это— нормы условно-обязательныя, диспозитивныя. Законъ дозволяетъ частнымъ лицамъ самимъ упорядочить свои отношенія, а если они это сдѣлать не желаютъ, то предлагается примѣнить установленныя имъ нормы. Пользованіе ими зависитъ отъ частнаго лица, коему то или другое право предоставляется. Нормы эти могутъ быть замѣнены другими, данное право другимъ правомъ либо по волѣ частнаго лица, односторонне (завѣщаніе) или по соглашенію (договоръ), либо нормою обычнаго права, въ силу проникшаго въ общее сознаніе преимущества ея передъ закономъ. При отсутствіи публичнаго интереса въ установленіи подобныхъ законовъ, законодатель, въ сущности, фиксируетъ, облекаетъ въ нормы народное правосознаніе. Если онъ этого не сдѣлалъ, а облекъ въ норму

плодъ собственнаго творчества, то такая норма не будетъ соблюдаться и законъ обратится въ ничто. Хотя иногда этотъ законъ постепенно пробиваетъ себѣ путь въ жизнь, общество съ нимъ сживается и забываетъ свое прежнее правовоззрѣніе, но нельзя одобрить ученыхъ, наталкивающихъ законодателя на путь безпредѣльнаго творчества: и они, и онъ берутъ слишкомъ много на себя—они вытѣсняютъ народное воззрѣніе при отсутствіи какого либо публичнаго интереса, побуждающаго сдѣлать это. И въ нашемъ гражданскомъ законодательствѣ имѣются такіе продукты законосочинительства; напримѣръ, законы о поручительствѣ—плодъ канцелярской работы; они значительной своей долей нормы диспозитивныя и ровно никакой почвы въ общественномъ правосознаніи не имѣютъ. Но какъ бы то ни было, къ сожалѣнію, немало такихъ диспозитивныхъ, сочиненныхъ законодателемъ, законовъ, очень важныхъ по своему бытовому значенію, имѣется и въ нашемъ Сводѣ. Въ Законовѣдѣніи и ихъ придется изложить и, конечно, съ точки зрѣнія легислятивной. Къ этимъ случаямъ проявленія самостоятельнаго законодательнаго творчества должны находить

себѣ примѣненіе всѣ вышеизложенныя соображенія касательно установленія и изслѣдованія мотивовъ прецептивныхъ законовъ. Несмотря на различіе по существу, и прецентивныя, и диспозитивныя нормы указаннаго рода сходятся, какъ однородный матеріалъ, какъ плодъ законодательнаго творчества. Но иногда законодатель переноситъ данную, воплощающую народное правосознаніе, диспозитивную норму или на случаи, которые вовсе не имѣлись въ виду при созданіи ея, или въ такую среду, гдѣ ранѣе дѣйствовала другая, быть можетъ, противоположная норма; такъ что данныя нормы, хотя и не сочинены законодателемъ, но для данныхъ случаевъ или для данной среды онѣ таковы же, каковы и нормы, имъ сочиненныя. Примѣромъ перваго можетъ служить случай перенесенія закона объ указной части вдовы на вдовца (ст. 1153 ч. I т. X) или перенесеніе закона о родовыхъ имѣніяхъ на городскіе дома (ст. 399 п. 4, 1346 ч. I т. X); то, что сложилось, какъ нѣчто нормальное при данныхъ соціальныхъ условіяхъ, обратилось въ нѣчто уродливое, и данная норма уже потеряла свой мотивъ, его мѣсто занялъ

другой — мотивъ перенесенія [1]). Примѣры второго рода случаевъ — обращеніе мѣстныхъ законовъ одной части государства въ общіе для всего государства, хотя бы въ той или другой изъ нихъ дѣйствовали нормы противоположныя. Это произошло, напримѣръ, въ Германіи при введеніи Гражданскаго Уложенія, вытѣснившаго массу мѣстныхъ диспозитивныхъ законовъ, благодаря тому, что обратило нормы, господствовавшія въ одной лишь мѣстности, въ общія. У насъ произошло нѣчто въ томъ же родѣ при введеніи въ Черниговской и Полтавской губ. общихъ гражданскихъ законовъ на мѣсто Литовскаго Статута. Нѣкоторыя положенія Статута, черезъ посредство Западнаго Свода, были внесены въ X т. въ видѣ общихъ для Имперіи законовъ [2]). Тутъ, напротивъ, мотивъ перенесенія, какъ общій, политическій, не имѣетъ интереса при изслѣдованіи отдѣльныхъ перенесенныхъ нормъ—придется изслѣдовать чуждые данной мѣстности жизненные мо-

---

[1]) Мотивъ приведенныхъ статей не виденъ изъ цитатъ. См. ук. 8 апр. 1837 г. и ук. 19 октября 1833 г.

[2]) Перечень этихъ статей находимъ въ прекрасномъ трудѣ барона А. Э. Нольде. Очерки по исторіи кодификаціи мѣстныхъ гражданскихъ законовъ при графѣ Сперанскомъ стр. 305—311.

тивы такихъ законовъ по обстоятельствамъ мѣста ихъ зарожденія. Все это исключенія. Общее правило, конечно, то, что среди диспозитивныхъ нормъ подавляющее большинство не сочинены законодателемъ, а сложились самостоятельно. При изложеніи ихъ съ легислятивной точки зрѣнія приходится обращаться не къ мотивамъ законодателя, а къ мотивамъ закона, т. е. къ жизненнымъ факторамъ, которые вызвали данный законъ,—хотя и здѣсь, какъ оказывается, богатымъ матеріаломъ могутъ служить законодательные акты, въ которыхъ именно эти жизненныя соображенія излагаются. Нерѣдко въ преніяхъ законодательныхъ собраній никакъ не можетъ быть констатировано народное правовоззрѣніе, не можетъ быть найдена надлежащая диспотизивная юридическая норма; спорятъ о томъ, какая норма лучше въ нравственномъ, хозяйственномъ и иныхъ отношеніяхъ; въ большинствѣ случаевъ въ засѣданіяхъ парламентовъ развиваются лишь подробнѣе, съ реальной жизненной аргументаціей, тѣ соображенія, которыя уже были высказаны въ юридической литературѣ—въ этомъ основномъ пособіи при изученіи жизненнаго смысла диспозитив-

ныхъ юридическихъ нормъ. Съ этой стороны, напримѣръ, величайшій интересъ предоставляетъ соображенія высказанныя въ комиссіи Рейхстага при составленіи Германскаго Гражданскаго Уложенія [1]). Но несомнѣнно, наиболѣе драгоцѣнно здѣсь то, что успѣла выработать наука. Примѣромъ можетъ служить законъ, предоставляющій собственнику право требовать отъ добросовѣстнаго владѣльца только fructus extantes, а не стоимости fructus consumpti (ст. 626 ч. 1 т. X). Поиски за реальнымъ источникомъ 626 ст., воспроизводящимъ мотивы законодателя, едва ли увѣнчаются успѣхомъ. Приходится обратиться къ наукѣ. Драгоцѣннымъ является замѣчательный трудъ проф. Л. І. Петражицкаго. Хотя этотъ почтенный ученый нѣсколько смѣшиваетъ точки зрѣнія политико-правовую съ догматическою, смѣшиваетъ обоснованіе политико-правовое съ юридико-конструктивнымъ, но для насъ имѣетъ большую цѣну первая, и выдѣлить ее вовсе не трудно. Въ сочиненіи своемъ „Права добросовѣстнаго владѣльца на доходы“ проф. Петражицкій останавливается на нормѣ,

[1]) См. Bürgerl. Gesetzbuch ed. Haydlen. съ подробными мотивами.

дающей добросовѣстному владѣльцу право не возвращать fructus consumpti, но обязывающей его возвратить fructus extantes. Онъ останавливается на всѣхъ предложенныхъ обоснованіяхъ и затѣмъ даетъ свое. Обоснованія эти суть: 1) добросовѣстный владѣлецъ пріобрѣтаетъ fr. consumpti, какъ res nullius, а собственнику право собственности на fr. extantes возвращается ipso jure (Huschke); 2) право на fr. consumpti основано на увѣренности владѣльца въ своемъ правѣ, а право на fr. extantes на томъ, что они часть главной вещи (Heimbach); 3) на fr. consumpti покупщикъ ихъ пріобрѣтаетъ право собственности, слѣдовательно, оно во время продажи принадлежало добросовѣстному владѣльцу, а на fr. extantes никто его не пріобрѣлъ (Ihering); 4) право владѣльца на плоды основано на приложенномъ имъ трудѣ на ихъ извлеченіе, cultura et cura, а приложилъ онъ трудъ къ fr. consumpti (Scheuerl); 5) право обѣихъ сторонъ основано на справедливости: добросовѣстному владѣльцу, если бы ему пришлось возвратить цѣну f. consumpti, угрожало бы разореніе, а потеря собственникомъ права на нихъ является заслуженнымъ наказаніемъ за небрежность; ни

того, ни другого нельзя сказать о fr. extantes (Keller) и 6) норма, оставляющая fr. consumpti за владѣльцемъ страхуетъ, предотвращаетъ его разореніе, отвращаетъ катастрофу въ хозяйствѣ, каковая наступила бы, если бы этой нормы не было, а возвращеніе fr. extantes не влечетъ за собою для владѣльца такихъ послѣдствій, а потому они возвращаются собственнику (Петражицкій). Имѣя передъ собой этотъ перечень, преподаватель Законовѣдѣнія, прежде всего, отбрасываетъ первыя три основанія, какъ rationes juris, а не rationes legis. Хотя они и уясняютъ права и обязанности добросовѣстнаго владѣльца, но prima facie являются основаніями, выводимыми изъ юридическихъ принциповъ; первое является примѣненіемъ, съ одной стороны, принципа res nullius, а съ другой—права собственности; второе—съ одной стороны, случаемъ примѣненія принципа bona fides, а съ другой—принципа соотношенія между главнымъ и придаточнымъ, а третье—выводомъ изъ принципа правовѣрности пріобрѣтенія права собственности. Остаются послѣднія три основанія (строго говоря, два основанія, такъ какъ теорія Петражицкаго мало чѣмъ отличается

отъ теоріи Келлера); они являются основаніями политико-правовыми—это мотивы закона, его жизненныя, бытовыя основы. Преподающій смѣло можетъ изложить и объяснить, конечно, въ популярной, доступной формѣ, и то, и другое, и третье, эклектически, такъ какъ они другъ друга не исключаютъ. Вотъ какимъ приблизительно образомъ надлежитъ пользоваться научными трудами для установленія мотивовъ, жизненныхъ основъ диспозитивныхъ законовъ, не мотивированныхъ самимъ законодателемъ.

2. Единство метода преподаванія.

Единство метода я понимаю въ смыслѣ проведенія одного метода по всѣмъ отдѣламъ и главамъ курса. Въ виду существованія, какъ мы видѣли, съ одной стороны, множества методовъ, а съ другой—разнообразія въ предметѣ и содержаніи отдѣльныхъ частей Законовѣдѣнія, какъ бы открывается возможность нарушенія элементарнѣйшаго методологическаго правила, чтобы во всемъ курсѣ, по всѣмъ его частямъ былъ проведенъ одинъ методъ. Да и въ дѣйствительности мы видимъ нарушеніе этого правила. Во фран-

цузскихъ учебникахъ Droit usuel и въ нашихъ учебникахъ Законовѣдѣнія мы находимъ это нарушеніе: отдѣлы публичнаго права излагаются по преимуществу описательно, а гражданское право—довольно строго догматически. Во французскихъ учебникахъ, согласно указаніямъ оффиціальной программы, весь курсъ дѣлится на два отдѣла—droit public и droit civil; въ первомъ описительно, въ легкомъ жанрѣ, излагается государственное, судебное и уголовное право, во второмъ—гражданское, со всѣми его опредѣленіями, анализомъ элементовъ, группировкой и прочими принадлежностями догматическаго метода и въ столь лаконической формѣ, что учащійся ничего, очевидно, толкомъ не понимаетъ. У насъ, тоже подъ вліяніемъ оффиціальной программы, авторы учебниковъ въ сущности конспектируютъ университетскіе курсы; но, что въ послѣднихъ подвергается подробному изложенію, здѣсь изложено кратко. Можно думать, что по мнѣнію авторовъ учебниковъ, гимназисты болѣе подготовлены къ воспріятію юриспруденціи, чѣмъ студенты; послѣднимъ надо все разжевать, а эти все съ двухъ словъ понимаютъ, а въ сущности, конечно, совер-

шенно ничего не понимаютъ. Всѣ эти учебники до нельзя сокращенные курсы Градовскаго, Коркунова, Таганцева, Мейера и др. Вмѣстѣ съ конспектированіемъ университетскихъ курсовъ авторы перенесли въ свои учебник. Законовѣдѣнія и всѣ разнообразные методы этихъ курсовъ. Методъ изложенія государственныхъ наукъ по преимуществу описательный, а гражданскаго права—догматическій; это и перешло въ учебники. Противъ такого разнообразія методовъ можно сдѣлать весьма серіозныя возраженія. Во-первыхъ, недопустимо, чтобы нѣсколько методовъ были одинаково пригодны для преподаванія даннаго предмета; пригоденъ можетъ быть только одинъ и притомъ, конечно, только тотъ, который опредѣляется задачами преподаванія этого предмета; хотя эклектизмъ иногда и оказывается полезнымъ, но никакъ не по отношенію къ методамъ преподаванія. Во-вторыхъ, различное обращеніе съ матеріаломъ вызываетъ въ учащихся рядъ вопросовъ и сомнѣній; почему, напримѣръ, въ гражданскомъ правѣ все опредѣленія, а въ государственномъ ихъ нѣтъ; говорится, что̀ есть подрядъ, бракъ, собственность и т. д., и не говорится, что̀ есть министръ, земство,

Дума; говорится о различіи между подрядомъ и личнымъ наймомъ, а не говорится о различіи между городскимъ и земскимъ самоуправленіемъ; указывается, какъ пріобрѣтаются гражданскія права, а не указывается, какъ пріобрѣтаются права публичныя. Затѣмъ, учащійся не можетъ не замѣтить различія между гражданскимъ и государственнымъ правомъ со стороны удобоусвояемости—государственное право легко изучается, гражданское трудно. Преподаватель, при обращеніи къ нему съ вопросами касательно этого разнообразія, можетъ оказаться въ очень нелегкомъ положеніи. Отдѣлаться тѣмъ, что различіе методовъ обусловливается свойствомъ данной науки, не совсѣмъ удобно.—Для водворенія единства метода въ Законовѣдѣніи возможно или излажить и государственное право, какъ излагается гражданское, или гражданское изложить описательно, какъ по преимуществу излагается государственное. Первый выходъ совершенно недопустимъ по двумъ причинамъ: 1) строго догматическій, юридическій методъ лишь только начинаетъ проникать въ область государственнаго права и 2) онъ, какъ я неоднократно упоминалъ, совершенно неприго-

день для Законовѣдѣнія. Остается избрать второй выходъ: приложить къ гражданскому праву описательный методъ. Я выше уже упоминалъ о неправильномъ мнѣніи г. Вальденберга, видящаго причину примѣненія къ гражданскому праву догматическаго метода какъ бы въ существѣ этой науки. Къ сказанному выше прибавлю, что не существо гражданскаго права вызываетъ эту необходимость, а историческая причина: римскіе юристы сосредоточили свое вниманіе почти исключительно на гражданскомъ правѣ, и по ихъ почину возникъ и широко развился чисто юридическій методъ. Обрати они свое вниманіе и на государственное право, и оно, я думаю, стояло бы теперь на той же высотѣ, какъ юридическая дисциплина, на какой стоитъ право гражданское. Существо гражданскаго права не препятствуетъ приложенія къ нему описательнаго метода. Мы видѣли выше, что послѣдній къ нему приложимъ; самое сложное понятіе того или другого института можетъ быть не формулировано въ видѣ точнаго опредѣленія, а описано общепонятно. Итакъ, водворить единство метода возможно при условіи изложенія гражданскихъ законовъ описательнымъ ме-

тодомъ. Нѣтъ никакихъ основаній слѣдовать радикальному примѣру авторовъ нѣмецкихъ учебниковъ Bürgerkunde и совершенно исключать изъ курса Законовѣдѣнія гражданское право, ограничиваясь изложеніемъ одного публичнаго. Изъ десятка новыхъ, напримѣръ, учебниковъ, передо мной лежащихъ, лишь въ одномъ [1]) отведено 20 страницъ гражданскому праву, изложенному, къ чести автора, описательно.

Никакихъ сомнѣній въ возможности сохранить единство метода во мнѣ не вызываетъ примѣненіе, отстаиваемаго мною, положительно-легислятивнаго метода. Методъ этотъ можетъ быть проведенъ по всѣмъ частямъ курса. Область публичнаго права стоитъ съ этой стороны внѣ всякихъ подозрѣній: легислятивная, политико-правовая точка зрѣнія всегда преобладала въ этой области. Недоумѣніе можетъ вызвать примѣнимость этого метода къ гражданскому праву. Мы выше уже видѣли, что есть цѣлая группа гражданскихъ законовъ—прецептивные законы и тѣ изъ диспозитивныхъ, которые сочинены законодателемъ,—исключающая съ этой стороны всякія не-

[1]) Haushofer. Der kleine Staatsbürger S. 114—135.

доумѣнія: они продуктъ самостоятельнаго законодательнаго творчества, и мотивы, или какъ выражаются французскіе авторы учебниковъ Droit usuel, „идеи, ихъ вызвавшія“ такъ или иначе могутъ быть констатированы и изложены въ курсѣ. Менѣе осязательна возможность установленія мотивовъ тѣхъ диспозитивныхъ законовъ, которые являются выраженіемъ народнаго произведенія. Тѣмъ не менѣе это возможно. Мы видѣли выше, что много цѣннаго можно извлечь изъ законодательныхъ актовъ, а еще гораздо болѣе изъ научныхъ юридическихъ сочиненій, по преимуществу политико-правового направленія.

3. Система Законовѣдѣнія.

Система науки не есть лишь внѣшній порядокъ изложенія ея матеріала,—это логическая группировка изучаемыхъ предметовъ по ихъ родовымъ, подродовымъ и т. д. видовымъ, подвидовымъ и т. д. характернымъ чертамъ, группировка, зиждящаяся на какой либо основной идеѣ. Законовѣдѣніе не есть наука, а потому и научная система къ ней не можетъ быть примѣнена, особенно если излагать ее по легислятивному методу. Методъ этотъ исклю-

чаетъ то, что называется „Rechnen mit Begriffen“; мы оперируемъ въ ней не съ понятіями, конструкціями, дифференціаціей и т. п., а безъ этого не можетъ быть и рѣчи о логической группировкѣ по родовымъ и видовымъ признакамъ, по логической связи и преемственности понятій, по постепенно расширяющемуся кругу проявленія основной идеи и т. д. Тутъ система должна быть понимаема, — и этого достаточно—въ смыслѣ внѣшняго порядка изложенія. При расположеніи матеріала берутся крупныя черты юридическихъ явленій, и хотя бы логическая послѣдовательность, преемственность и причинность, были нарушены—бѣды въ этомъ не видимъ. Бо̀льшую роль играютъ индивидуальныя черты изучаемыхъ явленій, чѣмъ связь и взаимное ихъ отношеніе. Въ Законовѣдѣніи неважно, относить ли залогъ къ вещному или обязательственному праву, а важно то, что имъ дается право требовать продажи вещи и получить вырученную сумму въ уплату долга. Однако, система Законовѣдѣнія, даже какъ внѣшній порядокъ изложенія, не можетъ быть безпорядочнымъ перечнемъ изучаемыхъ предметовъ — она должна удовлетворять извѣст-

нымъ требованіямъ, а именно: во-первыхъ, преподающій должнеъ выбрать ту или другую сторону изучаемыхъ предметовъ, которая при систематизаціи и ставится имъ на первый планъ. Такъ, при систематизаціи предметовъ, изучаемыхъ въ Законовѣдѣніи, можно выдвинуть ту или другую изъ трехъ сторонъ: а) субъективную, т. е. систематизировать права или правоотношенія; эта сторона выдвигается въ юриспруденціи главнымъ образомъ въ гражданскомъ правѣ и процессѣ при примѣненіи строго догматическаго метода, его обусловливающаго; въ виду-же принятаго мною метода преподаванія Законовѣдѣнія, эта сторона не можетъ быть выдвигаема на первый планъ; б) объективную, т. е. систематизировать нормы права, законы; эта сторона вызываетъ необходимость примѣненія каммментарнаго, статья за статьей, изложенія,—что исключило бы собою возможность примѣненія легислятивнаго метода; в) реальную, т. е. систематизировать юридическія *явленія*, подлежащія нормированію со стороны закона; берутся заслуживающія вниманія, крупныя явленія юридическаго быта и обрисовываются тѣми законами, которые ихъ нормируютъ; эти явле-

нія располагаются въ извѣстномъ порядкѣ, напримѣръ: государство, семья, собственность, воинская повинность, налоги и т. д.

Примѣненіе этой системы мы находимъ въ нѣмецкихъ учебникахъ Законовѣдѣнія, но съ однимъ большимъ дефектомъ. Какъ я уже упоминалъ, авторы этихъ учебниковъ ограничиваются изложеніемъ одного публичнаго права, гдѣ примѣненіе ея не представляетъ никакихъ затрудненій. Даже въ научныхъ курсахъ по всѣмъ областямъ публичнаго права мы видимъ, что примѣняется по преимуществу не субъективная точка зрѣнія, какъ только лишь зарождающаяся въ этой области, и не объективная, какъ ненаучная, а только реальная. Но тамъ, гдѣ примѣненіе ея является затруднительнымъ, въ области права гражданскаго, нѣмецкіе авторы учебниковъ освобождаютъ себя отъ пользованія имъ, исключая изъ курсовъ изложеніе этого права. Что же касается публичнаго права, то хотя они выдвигаютъ эту реальную сторону права, но строгаго внѣшняго порядка изложенія предмета не соблюдаютъ. Приведу, для примѣра, болѣе типичные образцы.

Система Гофмана и Грота [1]): 1) Община,

[1]) *Hoffmann* und Groth Deutsche Bürgerkunde ed. 5. 1902

государство, Имперія, 2) Императоръ, Союзный совѣтъ, Рейхстагъ. 3) Имперскій Канцлеръ и имперскія установленія, 4) законы (гдѣ очень кратко изложены законы: публично-правовые, уголовные, гражданскіе и полицейскіе), 5) суды, 6) войско и флотъ, 7) сельское хозяйство, торговля и промышленность, 8) денежное обращеніе, мѣры и вѣсы, почта и телеграфъ, желѣзныя дороги, мореплаваніе, консула, колоніи, 9) финансы, подати, таможни, 10) церковь и народное образованіе и 11) соціальное законодательство (страхованіе рабочихъ и праздничный отдыхъ) (363 стр.)

Система Кронера [1]): Введеніе. Главнѣйшія формы государственнаго устройства (двѣ страницы). Устройство и управленіе. А. Община (земство и городъ); В. Прусское королевство, С) Германская Имперія; 2. Главнѣйшія отрасли управленія (то же самое, что у Гофмана и Грота въ §§ 5—11) (116 стр.).

Система Хаге [2]): 1. Гражданинъ. 2. Семья и домъ. 3 Промыслы и торговля. 4. Община, государство, Имперія. 5. Государ-

[1]) *Croner* Bürgerkunde 1907.

[2]) *Hage.* Grundriss der deutschen Staats und Rechtskunde ed. 2.

ственное и имперское управленіе (то же что у Гофмана и Грота и Кронера).

Французскіе авторы ту же реальную точку зрѣнія проводятъ полностью въ системѣ Droit public, а въ Droit civil становятся на объективную точку зрѣнія, находясь подъ сильнымъ вліяніемъ своего Code civil. Весь отдѣлъ гражданскаго права дѣлится на три части: 1) Les personnes et la famille, 2) Les biens и 3) Les successions. Въ этихъ отдѣлахъ, съ одной стороны, много буквальныхъ выписокъ изъ кодекса, со слѣдующими за ними краткими объясненіями, а съ другой—рядъ опредѣленій, то легальныхъ, то установленныхъ наукой, и рядъ общепринятыхъ группировокъ [2]). Эти понятія и группировки указываютъ на невозможность и со стороны французскихъ юристовъ отрѣшиться отъ юридическаго, догматическаго метода при изложеніи гражданскаго права съ его субъективной точкой зрѣнія при систематизаціи. Реальная точка зрѣнія сказывается только въ заголовкахъ трехъ частей системы: лица и семья, имущество и наслѣдство.

Авторы нашихъ учебниковъ Законовѣдѣнія, давая краткій конспектъ универси-

[2]) См. выше цитир. авторовъ.

тетскихъ лекцій, проявили безпредѣльный эклектизмъ; всѣ три стороны права въ достаточной мѣрѣ представлены при систематизаціи: въ публичномъ правѣ то реальная, то объективная (основные законы), а въ гражданскомъ чисто субъективная.

Примѣненіе къ систематизаціи реальной точки зрѣнія, въ области публичнаго права, не представляетъ, въ виду имѣющихся образцовъ, никакихъ затрудненій; что же касается права гражданскаго, то примѣненіе ея къ нему могло бы выразиться въ такой системѣ: 1) семья, 2) собственность, 3) договоры и 4) наслѣдство. При такой системѣ возникаетъ вопросъ: куда же дѣвать, напримѣръ, права на чужую вещь и обязательства вознагражденія за убытки. Вопросъ разрѣшается очень просто: права на чужую вещь (хотя, конечно, такой рубрики не должно быть,—достаточно указанія на отдѣльныя права), какъ принявшія характеръ самостоятельныхъ правъ, ограниченія права собственности и должны быть изложены во второй главѣ, а общія указанія на вознагражденіе за убытки могутъ быть сдѣланы въ главѣ объ интересѣ, т. е. о вознагражденіи за убытки неисполненія договора.

Во-вторыхъ, система Законовѣдѣнія должна обнимать собой весь юридическій бытъ, всѣ области права, и къ исключенію той или другой изъ нихъ рѣшительно нѣтъ основанія. Цѣль изученія Законовѣдѣнія—ознакомленіе со всѣмъ законодательствомъ. и тутъ нѣтъ областей болѣе и областей менѣе важныхъ. Я уже упоминалъ, что большинство авторовъ нѣмецкихъ учебниковъ упускаютъ гражданское право или даютъ о немъ указанія на двухъ-трехъ страничкахъ. Дѣлая это, они впадаютъ въ глубокое противорѣчіе съ самими собою, ибо всѣ въ предисловіи скорбятъ о скудости свѣдѣній въ германскихъ образованныхъ кругахъ по части законодательства и спокойно, безъ оговорокъ [1]), упускаютъ одну изъ важныхъ ея областей. Единственное объясненіе такого пропуска то, что въ умахъ германскихъ юристовъ такъ глубоко вкоренилась мысль, что гражданское право только и можетъ быть изложено строго юридически, со всѣми пріемами юридической техники, а при такомъ изложеніи оно окажется совершенно недоступнымъ уче-

[1]) Нѣкоторые изъ нихъ прямо ставятъ себя задачею только ознакомленіе съ общественною жизнью въ имперіи, государствѣ и общинѣ См. *Perels.* Reichs und Staats-Bürgerbuch.

никамъ средней школы. Но зато въ нѣмецкихъ учебникахъ, какъ мы видѣли выше, изложены всѣ главнѣйшіе институты публичнаго права—тутъ и финансовое право, полицейское, церковное и др. Авторы французскихъ учебниковъ, слѣдуя однако оффиціальной программѣ, стоятъ внѣ всякаго упрека со стороны полноты системы—всѣ главнѣйшія явленія droit public и civil нашли себѣ мѣсто. Авторы нашихъ учебниковъ, слѣдуя также оффиціальной программѣ, остались вѣрными своей задачѣ: конспектировать университетскія лекціи. Конспектированы лекціи по главнымъ предметамъ: государственному, гражданскому и уголовному праву съ процессами, а вспомогательные предметы оставлены въ сторонѣ. Это производитъ такое впечатлѣніе, какъ будто курсы по главнымъ предметамъ сохранились и въ натурѣ, и въ памяти, а по вспомогательнымъ затерялись и забыты. Я совершенно не понимаю, почему лицо, прошедшее гимназическій курсъ, должно знать, что такое „объектъ права“, и можетъ не знать ни положенія церкви въ государствѣ, ни законовъ о печати, ни основъ финансовой организаціи; не зная послѣднихъ, они почему то должны знать, что такое

„Финансовый Комитетъ“. Насколько мнѣ извѣстно, лишь въ одномъ изъ учебниковъ, въ учебникѣ г. г. Крюковскаго и Товстолѣса, помѣщены въ концѣ книги „Полицейское право“ и „Краткія свѣдѣнія по финансовому и международному праву“.

3) Изъ системы Законовѣдѣнія должно быть исключено все, что не имѣетъ къ нему прямого отношенія. Не стану повторять уже сказаннаго мною о включеніи въ нее философіи (общей теоріи), соціологіи, морали, исторіи; здѣсь укажу лишь на совершенно несоотвѣтственное включеніе нѣкоторыми французскими и нѣмецкими авторами учебниковъ—Политичеекой Экономіи [1]). Всякое знаніе вообще и Политической Экономіи въ частности полезно людямъ вообще и гимназистамъ въ частности. Но изъ этого еще не слѣдуетъ, что Политическую Экономію надо ввести въ гимназическій курсъ. Загроможденіе гимназическаго курса массою новыхъ и новыхъ предметовъ можетъ привести къ совершенному изуродованію средней школы: расширеніе можетъ пойти въ ущербъ глубинѣ, основательности и методичности препода-

---

[1]) Giese, Deutsche Bürgerkunde. Ed 4, 1907, S. 128—181. *Lami et Mayrargue* н. с. стр. 315—396.

ванія. Для изученія Законовѣдѣнія Политическая Экономія не нужна. Даже при изложеніи его по легислятивному методу тѣ политико-правовыя соображенія, которыя основаны на условіяхъ экономическаго быта, могутъ быть вполнѣ усвоены и безъ предварительнаго изученія Политической Экономіи. Это прекрасно поняли во Франціи, гдѣ программа 1891 года требовала и изложенія основъ Политической Экономіи, а программа 31 мая 1902 года ее исключила изъ гимназическаго курса И дѣйствительно, Политическая Экономія хотя и построена на реальныхъ явленіяхъ жизни, но она оперируетъ такими тонкими, абстрактными понятіями, такими широкими обобщеніями и сложными комбинаціями, что, какъ предметъ преподаванія въ средней школѣ, непригодна.

4) Вопросъ о наилучшей системѣ въ смыслѣ внѣшняго порядка изложенія—вопросъ субъективный, и преподаватель не можетъ и не долженъ быть стѣсненъ. Важно лишь, чтобы были соблюдены вышеизложенныя методологическія требованія и выдержанъ былъ принятый методъ. Съ этой точки зрѣнія даже такая примитивная система, какъ система нашей оффиці-

альной программы и нашихъ учебниковъ Законовѣдѣнія не закрываетъ для преподавателя возможности выполнить методологическія требованія, предъявленныя къ системѣ и провести въ изложеніи описательный, положительно-легислятивный методъ. Бѣды не будетъ если ему придется дополнить въ программѣ все въ ней недостающее и выбросить излишнее. Система программы дурна тѣмъ, что какъ бы указываетъ на то, что должны быть конспектированы университетскія лекціи; если же этого послѣдняго не дѣлать, то примириться съ программой можно.

4. Объективность изложенія.

Подъ объективностью я здѣсь разумѣю исключеніе всего личнаго, субъективнаго. Это надо понимать двояко: 1) законъ долженъ быть изложенъ въ томъ смыслѣ, какъ онъ написанъ законодателемъ и 2) должна быть безусловно исключена критика его. Что касается перваго, то это само по себѣ, конечно, элементарнѣйшее требованіе и безуслово примѣняется въ тѣхъ случаяхъ, когда законъ ясенъ. Вносить въ ясный законъ то, чего въ немъ нѣтъ, преступно. Напримѣръ,

ст. 86 осн. зак. законъ совершенно ясный. Прямой смыслъ ея тотъ, что Россійская Имперія монархія конституціонная, ограниченная. На этомъ, казалось бы, преподаватель Законовѣдѣнія и могъ бы успокоиться; но когда рѣчь идетъ о столь важномъ, хотя и ясномъ, законѣ, онъ долженъ обратиться къ научной литературѣ. Въ данномъ случаѣ онъ найдетъ въ наукѣ полное подтвержденіе и прочное обоснованіе своего взгляда. Всѣ наши государствовѣды единогласно высказываются въ пользу этого взгляда. Такъ, проф. В. Ивановскій [1]) говоритъ: „существующая въ Россіи форма государственнаго устройства является конституціонной монархіей“; проф. Шалландъ [2])—„Россія стала ограниченной конституціонной монархіей“; проф. Лазаревскій [3])—„Россія перешла къ конституціонной формѣ правленія и въ дѣлѣ законодательства власть Государя стала властью ограниченной“; проф. Берендтсъ [4]) (преподающій и Законовѣдѣніе)—„Теперь уже нельзя больше спорить ограниченъ или не ограниченъ Монархъ въ Россіи.

[1]) Учебникъ государств. права 1908. стр. 336.
[2]) Русское государств. право 1908. стр. 19.
[3]) Лекціи по русск. госуд. праву, т. I, 1908. стр. 123.
[4]) Кое-что о современныхъ вопросахъ стр. 106—130.

Онъ ограниченъ, онъ Монархъ конституціонный". Также проф. Герье [5]) (членъ Госуд. Совѣта по назначенію) говоритъ: „Русское самодержавіе отказалось отъ двухъ важнѣйшихъ прерогативъ: отъ неограниченнаго права законодательства и отъ автономнаго распоряженія государственнымъ бюджетомъ". „Основные законы установили въ Россіи конституціонную монархію"; „Россія заняла свое мѣсто среди конституціонныхъ монархій Европы". И преподаватель Законовѣдѣнія не можетъ высказать какой-либо иной взглядъ. Кстати сказать, вообще, преподаватель Законовѣдѣнія долженъ высоко держать знамя юриста; его не должно смущать то обстоятельство, что въ тѣхъ или другихъ кругахъ извращается смыслъ того или другого яснаго закона. На учительскую совѣсть его никто посягать не вправѣ. Но объективность изложенія какъ будто подрывается, когда рѣчь идетъ о законахъ неясныхъ. Въ большинствѣ случаевъ найденный мотивъ закона устранитъ неясность; если же этого не случится, то тутъ разумѣется личное мнѣніе преподавателя разрѣшитъ неясность — онъ дастъ такое

[5]) Первая русск. Госуд. Дума стр. 6, 15, 118.

толкованіе, которое по его мнѣнію, только и возможно. Но эти случаи будутъ совершенно исключительны. У насъ имѣется по всѣмъ областямъ права болѣе или менѣе богатая литература. Можно сказать, что по всѣмъ важнѣйшимъ (а такіе только и излагаются въ Законовѣдѣніи) неяснымъ законамъ преподаватель найдетъ въ литературѣ не единичное мнѣніе, а цѣлый споръ. Онъ, какъ не спеціалистъ, не долженъ выбирать мнѣніе болѣе, съ его точки зрѣнія, правильное, а долженъ, если возможно, или изложить господствующее мнѣніе, а не исключительное, или принять мнѣніе наиболѣе авторитетнаго юриста. Преподаватели Законовѣдѣнія должны помнить, что отъ нихъ никто не требуетъ научной самостоятельности—мудрено требовать этой самостоятельности по доброму десятку наукъ. А соблазнительная иногда попытка проявленія ея, очень рискована—мнѣніе можетъ оказаться впослѣдствіи явно ошибочнымъ, вслѣдствіе недостаточнаго знакомства съ данной научной дисциплиной.—Объ объективности въ смыслѣ отсутствія критики закона я уже выше высказалъ рядъ соображеній. Къ сказанному прибавлю слѣдующее. Мнѣ не можетъ

быть сдѣланъ упрекъ въ томъ, что рекомендуя излагать Законовѣдѣніе лишь съ положительно легислятивной стороны, безъ критики, я насилую убѣжденія преподаиателя, предлагая ему оправдывать существующій законъ, какъ бы онъ не состоятеленъ ни былъ. Разсужденіе безусловно неправильное. О насиліи рѣчи быть не можетъ уже потому, что жизненный смыслъ закона, его цѣль, его мотивъ есть нѣчто совершенно исключающее личное убѣжденіе. Преподаватель совершенно снимаетъ съ себя отвѣтственность за законъ—онъ говоритъ устами законодателя, устами самой жизни. Онъ лично совершенно въ сторонѣ, такъ-же въ сторонѣ, какъ математикъ при объясненіи какой либо теоремы, или историкъ при описаніи какого либо историческаго факта. Убѣжденный, напримѣръ, въ несостоятельности закона, запрещающаго по взаимному соглашенію супруговъ расторженіе брака, онъ со спокойной совѣстью можетъ объяснить тѣ мотивы, какими руководился законодатель, установившій это запрещеніе. Точно также не основателенъ упрекъ, что я предлагаю преподавателю оправдывать законъ явно неудовлетворительный. Объяснить смыслъ и мо-

тивъ закона не значитъ его оправдать. Можно остаться при полномъ убѣжденіи въ негодности этого закона, изучивъ и изложивъ тѣ мотивы, которые вызвали этотъ законъ къ жизни. Когда я излагаю мотивы законовъ о предоставленіи львиной доли наслѣдства троюродному племяннику и ничтожной доли вдовѣ, или о совершеніи крѣпостныхъ актовъ при покупкѣ полосы земли въ нѣсколько квадратныхъ саженъ и т. п., то я остаюсь при мнѣніи о полной негодности этихъ законовъ. Какъ бы я основательно не изучилъ, и какъ бы подробно не изложилъ мотивы этихъ законовъ, я остаюсь при своемъ мнѣніи, я далекъ отъ оправданія ихъ. Могутъ сказать: на слушателя такая мотивировка производитъ впечатлѣніе оправданія. Это дѣло преподавательскаго такта. Когда онъ съ паѳосомъ и восторгомъ будетъ излагать эти мотивы, что едва ли случится,—то, конечно, получится впечатлѣніе оправданія. Если же онъ возможно чаще, съ особенымъ удареніемъ будетъ указывать, что это не онъ говоритъ, а говоритъ или законодатель непосредственно или сама жизнь, то никакого недоразумѣнія произойти не можетъ. Спокойное, серьезное изложеніе мотивовъ съ точ-

нымъ указаніемъ на источники и факты ни въ комъ не вызоветъ мысли объ оправданіи того, что оправдано быть не можетъ. Конечно, съ другой стороны ядовито-саркастическое, съ затаенной горечью или шутливое изложеніе—чего я ни на минуту не допускаю, явится въ видѣ скрытой критики и будетъ совершеннымъ извращеніемъ предлагаемаго метода.

Наконецъ, не могу не замѣтить, что если допустить отрицательно-критическое отношеніе преподавателя къ закону, то откроется широкій путь къ соціальной и политической партійности въ изложеніи. Не говоря уже объ институтахъ государственнаго права, даже такіе институты права гражданскаго, какъ бракъ, собственность, наслѣдованіе и пр. могутъ быть объяснены различно съ точки зрѣнія той или другой соціально-политической партіи. Одинъ и тотъ же законъ можетъ быть раскритикованъ съ различныхъ соціально-политическихъ точекъ зрѣнія. Напримѣръ, ст. 86 осн. зак. не придется по вкусу ни крайнему „лѣвому“, ни крайнему „правому“; и тотъ, и другой станутъ доказывать несостоятельность принципа ограниченной, конституціонной монархіи, первый, видя идеалъ въ демокра-

тической республикѣ, второй—въ неограниченной монархіи съ законосовѣщательнымъ органомъ вродѣ Земскаго Собора. Это будетъ уже не преподаваніемъ закона, а политической дрессировкой „слѣва“ или „справа“ въ стѣнахъ средней школы, т. е. тоже полнымъ извращеніемъ преподаванія. Швейцарцы, несомнѣнно, самый свободолюбивый народъ, а между тѣмъ, членъ швейцарскаго Союзнаго Совѣта, авторъ учебника Законовѣдѣнія Дрозъ, настоятельно требуетъ, чтобы преподаватели Законовѣдѣнія избѣгали всякой политической партійности.

5. Удобоусвояемость.

Если имѣть въ виду молодого человѣка, стоящаго у порога высшаго учебнаго заведенія, то усвоеніе имъ духа отечественнаго законодательства, при разумномъ, осмысленномъ и добросовѣстномъ примѣненіи описательнаго, легислятивнаго метода, едва ли будетъ затруднительно. Темы, которыя будетъ развивать преподаватель—темы жизненныя, бытовыя; обо многомъ, что онъ услышетъ отъ преподавателя, онъ слышалъ и въ жизни, изъ пережитаго его семьей, или знакомыми, читалъ и въ жур-

налахъ и въ газетахъ, или въ дешевыхъ брошюрахъ, такъ что кое-что кое о чемъ онъ знаетъ. Тѣмъ не менѣе преподаватель долженъ насколько возможно облегчить усвоеніе предмета, видя въ ученикахъ людей совершенно не свѣдущихъ въ юриспруденціи. А потому, во-первыхъ, все юридико-техническое должно быть отброшено. Объ этой технической сторонѣ уже шла рѣчь выше Во-вторыхъ удобоусвояемость достигается, если такъ можно выразиться, образностью изложенія, куда относятъ приведеніе примѣровъ, разрѣшеніе задачъ и т. п. Очень полезно, въ видахъ уясненія извѣстнаго института иллюстрировать изложеніе простыми примѣрами. Французскіе авторы учебниковъ, невзирая на то, что изложеніе ихъ довольно абстрактно, и какъ я замѣтилъ выше, полно опредѣленіями,группировкамиипроч.,очень любятъ приводить примѣры.При этомъ нельзя не замѣтить двоякаго рода пріемовъ въ приведеніе этихъ примѣровъ. Или они, вмѣсто опредѣленія, особенно когда опредѣленіе вышло бы уже слишкомъ сложнымъ и абстрактнымъ, начинаютъ, прежде всего, съ примѣра; многіе изъ нихъ такъ поступаютъ по вопросу о quasi-контрак-

тахъ [1]). Или примѣръ приводится послѣ характеристики или опредѣленія даннаго института [2]). И то, и другое прекрасно, особенно когда примѣръ замѣняетъ собою опредѣленіе. Примѣненіе описательнаго метода именно требуетъ широкаго пользованія такими пріемами. Какъ примѣры, однако, ни полезны, злоупотреблять ими не слѣдуетъ, а между тѣмъ мы видимъ, что нѣкоторыя нѣмецкіе авторы учебниковъ Законовѣдѣнія ими злоупотребляютъ при изложеніи гражданскаго и уголовнаго процессовъ. [3]) Они изъясняютъ эти процессы на одномъ примѣрѣ. Такое изложеніе полезно для ознакомленія съ процессами съ практической стороны, для изученія практическихъ пріемовъ процедированія, въ чемъ можно убѣдиться, напримѣръ, изъ книги Вербловскаго „Гражданское судопроизводство, изложенное на одномъ примѣрѣ“. Въ Законовѣдѣніи такой пріемъ неумѣстенъ. Цѣль преподаванія этого предмета вовсе не практическая. Жизненныя основы, мотивы процессуальнаго законодательства совершенно затемняются при такомъ изло-

---

[1]) *Alengri* н. с. стр. 358.
[2]) *Lami et Mayrargue* н. с. стр. 216,
[3]) *Hoffmann und Groth* н. с. стр. 123—144.

женіи. А такъ какъ изложеніе по необходимости кратко, то много характернаго совершенно не находитъ себѣ мѣста; формальный ходъ процесса вытѣсняетъ собою внутренніе моменты. Такой пріемъ идетъ совершенно въ разрѣзъ съ описательной, легислятивной точкой зрѣнія и, отнимая много времени, только мѣшаетъ выясненію смысла и мотива законовъ. Что касается разрѣшенія преподавателемъ передъ классомъ юридическихъ задачъ, а тѣмъ болѣе заданія ихъ ученикамъ, то я положительно не рекомендую дѣлать этого. Задача есть осложненный примѣръ, причемъ примѣръ не полный; разрѣшеніе задачи и есть восполненіе пробѣла, есть отвѣтъ на вопросъ, въ коемъ оставленъ пробѣлъ. Непригодность разрѣшенія задачъ очевидна изъ слѣдующаго: 1) разрѣшеніе простѣйшихъ задачъ безполезно въ смыслѣ задачи; это простой примѣръ, котораго и незачѣмъ формулировать въ видѣ задачи; напр., задачи, кто наслѣдуетъ лицу бездѣтно умершему, или сколько изъ наслѣдства получитъ дочь и сколько сынъ— ничего не выясняютъ; задачи только и могутъ быть полезны при условіи ихъ осложненія; 2) всегда сложную задачу преподава-

тель, какъ бы онъ ни старался, не въ состояніи выяснить гимназистамъ, ибо а) каждая такая задача для разрѣшенія потребуетъ ссылки на массу законовъ, которыхъ ученики и не могутъ знать, ибо въ Законовѣдѣніи возможно лишь изложеніе самаго незначительнаго ихъ числа, лишь самыхъ важнѣйшихъ, какъ мы видѣли выше; преподавателю придется при разрѣшеніи задачи ссылаться на законы, о существованіи коихъ они впервые услышатъ; б) безсознательное оперированіе надъ законами безполезно; преподаватель будетъ производить сложныя логическія операціи, совершенно непонятныя для класса; ему вѣдь придеться примѣнять сложныя и трудныя правила толкованія законовъ; при незнакомствѣ класса съ этими правилами ему придется на каждомъ шагу давать объясненія по герменевтикѣ, совершенно неприспособленной къ умственному уровню класса [1]). Кто велъ настоящія практическія занятія со студентами, знаетъ, какая это трудная для обѣихъ сторонъ работа. 3) Съ точки зрѣнія желательности возможно полнаго проведенія предлагаемаго метода,

---

[1]) Что пойметъ гимназистъ изъ книги проф. *Васьковскаго* «Толкованіе гражданскихъ законовъ»?

время, потраченное на разрѣшеніе задачъ, я считаю затраченнымъ непроизводительно. 4) Далеко не всѣ области права пригодны для извлеченія изъ нихъ практическихъ задачъ; наиболѣе пригодно для этого гражданское право, т. е. та область, которая, какъ мы видѣли, наименѣе приспособлена къ детальному усвоенію не спеціалистами; въ виду невозможности примѣненія въ Законовѣдѣніи строго юридическо-догматическаго метода, знанія учащагося въ этой области всегда будетъ минимальными. Другимъ областямъ права казуальный характеръ или совершенно чуждъ, или очень слабо въ нихъ проявляется. Изложенныя соображенія дѣлаютъ излишнимъ разсмотрѣніе вопроса о заданіи юридическихъ задачъ учащимся, [2]) будь эти задачи заданы въ классѣ или на домъ, все равно. Обращу лишь вниманіе на послѣднія. Нѣкоторые Родительскіе Комитеты высказались противъ преподаванія Законовѣдѣнія; поводомъ къ тому послужили почти неодолимыя трудности, связанныя съ разрѣшеніемъ юридическихъ задачъ, задаваемыхъ на домъ. Я глубоко сочувствую и родителямъ и дѣ-

---

[2]) Иного мнѣнія г. Вальденбергъ н. с. стр. 33—34.

тямъ. Да и вообще всякаго рода письменныя работы по Законовѣдѣнію мнѣ представляются нецѣлесообразными. Если онѣ ограничиваются воспроизведеніемъ того, что ученикъ въ классѣ слышалъ отъ преподавателя, то, особенно когда у преподавателя есть свой курсъ, или онъ требуетъ по учебнику, соотвѣтствующему методу его преподаванія,—такія работы сводятся къ списыванію, снабженному нѣкоторыми реторическими прикрасами „отъ себя". Если понимать подъ письменными работама рефераты, то, я вполнѣ раздѣляю соображеніе г. Вальденберга противъ такихъ работъ: ученикъ VII и VIII класса обладаетъ слишкомъ малыми знаніями для составленія рефератовъ и слишкомъ малымъ временемъ для пріобрѣтенія ихъ.

Въ третьихъ, удобоусвояемость достигается изложеніемъ предмета простымъ языкомъ, чуждымъ техническихъ терминовъ и условнымъ оборотовъ рѣчи. Чѣмъ проще изложеніе, тѣмъ больше шансовъ къ уразумѣніи изложеннаго. Но усвояемости часто препятствуетъ не юридическій языкъ самъ по себѣ, а пріемъ, неизбѣжный при изложеніи юридическихъ матерій—это перечисленія. Законы богаты этими перечисле-

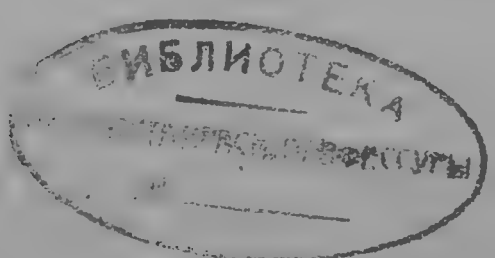
ніями, а это переходитъ и въ преподаваніе и въ учебники. Обойтись безъ нихъ нельзя, но ослабить ихъ неудобоусвояемость необходимо и возможно. Простое перечисленіе можно взять только памятью, а такъ какъ перечисленій масса, то изученіе предмета обращается въ мученіе. При изученіи строго юридическихъ работъ усвоеніе значительно облегчается систематичностью, внутреннею связью перечисляемаго съ предыдущимъ и послѣдующимъ; но въ Законовѣдѣніи, гдѣ научная систематичность не выполнима, нужно найти другое средство для облегченія запоминанія перечисленій. Нужно идти обратнымъ путемъ сравнительно съ обычнымъ. Обыкновенно каждый отдѣльный членъ перечисленія выражается однимъ или парою словъ, его опредѣляющихъ, а затѣмъ идетъ разъясненіе; напр. перечисляются министерства и указываются функціи каждаго или перечисляются лица, неимѣющія права участвовать въ выборахъ членовъ Государственной Думы, и указываются основанія исключенія ихъ отъ выборовъ. Это трудно запоминать. Гораздо легче усвоить напр. перечисленіе функцій государственнаго управленія, съ указаніемъ затѣмъ на со-

отвѣтственное министерство, какъ-то: „народное образованіе — М. Н. П., судебное управленіе—М. Ю., торговля и промышленность—М. Т. и П.“ и т. д. Или напр. дать перечисленіе основаній устраненія отъ выборовъ, а затѣмъ указать на соотвѣтствующихъ лицъ, отъ выборовъ устраняемыхъ, какъ-то „во-первыхъ, лица, которыя по закону считаются недостаточно зрѣлыми и подготовленными къ такому акту, какъ избраніе депутатовъ,—сюда относятся женщины, лица, не достигшія 25-лѣтняго возраста, и учащіеся; во-вторыхъ, лица, которыя по званію своему должны стоять вдали отъ всякой политики, а именно, воинскіе чины“ и т. д. Во многихъ случаяхъ, надо замѣтить, даже вовсе необходимости нѣтъ въ перечисленіи; напримѣръ, зачѣмъ перечислять отдѣльныя права участія общаго и частнаго; общая характеристика ихъ, жизненныя основы, на которыхъ они зиждятся, и нѣсколько примѣровъ вполнѣ достаточно.

Въ-четвертыхъ, усвоенію предмета несомнѣнно содѣйствуетъ предварительное краткое и точное формулированіе того вопроса, который подлежитъ разъясненію. Въ устномъ изложеніи эти краткіе тезисы

должны предшествовать объясненіямъ; преподаватель (если нѣтъ курса) ихъ диктуетъ, а затѣмъ уже подробно развиваетъ. Этотъ пріемъ, примѣняемый даже нѣкоторыми англійскими и нѣмецкими профессорами, весьма цѣлесообразенъ. Онъ сдерживаетъ преподавателя въ должныхъ рамкахъ и возбуждаетъ интересъ и вниманіе въ слушателяхъ. Пріемъ этотъ, примѣненный къ учебникамъ, правда, придастъ имъ катехизическій характеръ. Нѣкоторые французскіе авторы учебниковъ Законовѣдѣнія (Lami, Mayrargue) придали этимъ учебникамъ именно такой видъ: за формулой слѣдуетъ „explication“, подробное объясненіе. Это не только удобно для повторенія, но и облегчаетъ усвоеніе самыхъ объясненій: сохраняется ихъ нить. Это гораздо болѣе цѣлесообразный пріемъ, чѣмъ пріемъ, примѣненный, напримѣръ, Дрозомъ. Онъ снабжаетъ почти каждый параграфъ текста дополнительными, подробными разъясненіями, примѣчаніями, „Anmerkungen“; эти примѣчанія напечатаны мелкимъ шрифтомъ и, наводятъ на дурную мысль объ отсутствіи надобности въ ознакомленіи съ ними.

Наконецъ, въ пятыхъ, часто не безъ

основанія, указывается, какъ на цѣлесообразное средство болѣе прочнаго усвоенія Законовѣдѣнія, на внѣклассное чтеніе. Принципіально противъ этого я не возражаю. Но примѣненіе этого средства встрѣчаетъ рядъ неодолимыхъ затрудненій. Во-первыхъ, о возможности рекомендовать чтеніе строго научныхъ работъ и думать нечего. Большинство ихъ гимназисту совершенно недоступно. Есть, конечно, и въ юридической литературѣ сочиненія, изложенныя общедоступно, но, благодаря тому, что въ Законовѣдѣніи излагаются предметы всѣхъ научныхъ дисциплинъ, такое чтеніе всегда будетъ отрывочнымъ и мало полезнымъ. Рекомендовать чтеніе классическихъ трудовъ, напримѣръ, Монтескье „Духъ законовъ“ или Руссо „Соціальный договоръ“, какъ это сдѣлано французскимъ Министерствомъ Просвѣщенія, тоже не раціонально. Эти классическіе труды нынѣ уже являются достояніемъ исторіи, они сыграли свою роль въ исторіи политическихъ ученій: сами по себѣ они подверглись строгой критикѣ и не могутъ дать понятія о современномъ состояніи науки, что еще было бы допустимо. Изъ популярно-изложенныхъ сочиненій

особенно нежелательно рекомендовать книги общаго философско-правового содержанія. Сочиненія эти полезны только лицамъ уже знакомымъ съ отдѣльными юридическими дисциплинами, а не знакомымъ даютъ рядъ смутныхъ представленій: пріучаютъ къ верхоглядству, внушаютъ мысль, что можно вкривь и вкось трактовать вопросы о правѣ вообще, имѣя грошевыя свѣдѣнія объ отдѣльныхъ правахъ, юридическихъ институтахъ, о юридическомъ бытѣ. Наконецъ, имѣется два существенныхъ внѣшнихъ затрудненія: 1) весьма малое количества оригинальныхъ и переводныхъ юридическихъ сочиненій, которыя могли бы быть рекомендованы, если бы чтеніе ихъ было полезно, и 2) недостатокъ времени у гимназистовъ, въ послѣдній годъ пребыванія въ школѣ обремененныхъ массою работы.